

М. МУШФИК

Разбитый саз

микаил
мушфик

1-209358

Раз-
битый
саз

стихи и поэма

Гянджлик
Баку — 1968

К 60-летию
со дня рождения
Микаила Мушфика

*

Большой природный талант, глубина чувств, высота мысли, одержимая влюбленность в поэзию, личность, плоть и душу которой составляет вдохновение... Да, каждый раз, когда думаешь о Мушфике, эти качества, эти черты прежде всего оживают в сознании. Он явился поэтом, который ярко воплотил пафос новой эпохи, пафос созидания.

Земле цвести, как мы велим в мечтах,
И нашим песням не смолкать в веках.
Великий мир, как малого ребенка,
Мы вынянчим на собственных руках! —

провозгласил двадцатидевятилетний Мушфик, и это может служить девизом всего его творчества. Несмотря на то, что он прожил недолго (1908—1939) и художественным творчеством занимался всего двенадцать лет, Мушфик оставил неизгладимый след в литературе. Его творения написаны кровью взволнованного сердца, творения, снискавшие их автору неувядаемую славу крупнейшего поэта — одного из зачинателей азербайджанской советской поэзии.

Мушфик юношей вошел в литературный мир, пылко отдался поэзии и не расставался с нею до конца своей

жизни. Он жил и дышал поэзией. Он ни на один день не мог выйти из повиновения этой властительнице, не мог и не желал успокаиваться, пока не создано, не написано что-то. Да что там дни! Правильнее было бы говорить о часах, минутах. В небольшой статье «За создание произведений, достойных социалистической Отчизны», опубликованной в 1935 году газетой «Коммунист» и являющейся как бы творческим отчетом поэта, говорится: «Самые несчастливые минуты моей жизни — это минуты, проходящие без стихов».

Какие проблемы занимали больше всего Мушфика в его гражданской лирике, над чем он больше всего размышлял? Прежде, чем ответить на этот вопрос, обратимся к следующим строкам стихотворения «Моя пятилетка».

Прекрасно жить высокою мечтою —
Ей посвящать усилья и труды,
Прекрасно солнце окликать с луною, —
Пусть наши пополняются ряды!
Как хорошо с эпохой быть в ладах
И по цветку срывать во всех садах!

Перевод В. Кафарова

Это — литературное кредо поэта, который стремится уловить пульс времени. Он «был в ладу» со своим великим временем, не оставался в стороне от важнейших событий, переводил на волшебный язык поэзии проблемы, интересующие его современников, порождаемые требованиями эпохи. И за весьма краткий, но плодотворный период значительно обогатил свое творчество в тематическом отношении. Трудно найти важное событие тех лет, чтобы оно тем или иным образом не отразилось в его произведениях.

Тематический диапазон лирики Мушфика свидетельствует о необычайной широте его видения. Он пел революцию, борьбу за Советскую власть, вдохновенно

отобразил жизнь и труд нефтяников, создание электрических станций на реках, орошение солончаковых и безводных степей, мечты и думы молодежи, муза его вторгалась в семейный быт, не оставила она своим вниманием и детей — нашу смену. Его волновал вопрос о связи художника с родным народом, — критерий жизнестности настоящего искусства.

Сильное воображение, фантазия, мечта, устремленность в будущее — одно из свойств, присущих лирике Мушфика. Кипучее чувство поэта, его волнение и пафос, его воображение, окрыленное мечтой о будущем, так сливаются воедино, что придают стихам романтическое звучание:

Я украшаю праздники побед,
Я приглашаю звезды для бесед.
Ничем мою свободу не измерить,
Я — небо и земля, я — белый свет.

(Из цикла «Листки раздумий».)

Среди стихотворений Мушфика встречаются и такие, которые по охвату жизненных явлений, по своей масштабности приближаются к поэмам. Это такие произведения, как «Песня вечности», «Мечта о Мингечауре», «Песнь о Тертергэсе», «Поэт и Гражданин», «Светлые тени», «Семь ашугов» и др. Эти произведения звучат, как программные.

В «Песне о Тертергэсе» вдохновение поэта, как горная река, на которой возводится плотина ГЭС, сливается в общий поток к теме труда, и теме любви, вечной молодости и обновления мира, философские раздумья и обобщения. Сквозь интонацию лирического героя слышен гул созидания, ошутим порыв сплоченных масс.

В любовной лирике Мушфик в таких стихотворениях, как «Твои глаза», «Одно солнце, один взгляд», «Звезды», «Моя любовь», «Если бы то лето повторилось», «Что это значит» и др. говорит о возвы-

шающей силе любви, ее шемящей тревожности, об ожидании и разлуке.

Лирика Мушфика являет образцы новаторства в азербайджанской поэзии. Мушфик создал такие стихотворные формы, которые были неизвестны до него. Примером этому могут послужить «Песнь о Тертергэсе», «Новый дом» и другие. Поэт в «Песне о Тертергэсе» создал пятнадцатистрочную строфу, состоящую из пяти трехстиший, в которых первые две строки рифмуются между собой, а все трое объединены сквозной рифмой подчас составной (с редифом — рефреном). Звукочисль, ритмика, строфика для поэта не самоцель — живая в звуке, слова «Песни» словно воссоздают гул kloкочущего потока, бурной реки. Нам думается, что такая форма вполне соответствует содержанию, всему романтически-возвышенному настрою произведения.

Лаконизм, экономия, умение при минимальной затрате слов сказать о многом — также характерное свойство поэзии Мушфика, который всегда стремился к точности, краткости, афористичности. И не случайно, включая в книги стихотворения, ранее опубликованные в газетах или журналах, поэт снова работал над ними, сокращал, шлифовал, оттачивал.

Показательный пример лаконизма Мушфика — его четверостишие, объединенные в значительный цикл «Листики раздумий».

Следует отметить такие черты, характерные для Мушфика, как эмоциональная насыщенность, напевность, музыкальная выразительность стиха, звуковая инструментовка. Характерно в этом отношении стихотворение «Белое море».

На море Белом — буря, буря,
Чернеет небо, брови лмуря,
Кипи, кипучее море,
Ревя, ревучее море,

Певучее море,
Могучее море!

Перевод В. Кафарова.

Темперамент поэта, его страстная убежденность, гражданственная активность сказываются во всех лирических произведениях поэта. Микаил Мушфик среди читателей известен и как мастер эпических полотен. Его перу принадлежат поэмы «Аршан», «Среди буровых», «Мой друг», «Пастух», «Гая», «Шойле», «Трагедия гор», «Дастан свободы», «Сэхар», «Разбитый саз» и др.

И в поэмах Мушфика сильна лирическая струя. В таких поэмах, как «Сэхар», «Дастан свободы» и «Разбитый саз», которые являются лучшими в его творчестве, осязательны авторские чувства и переживания, его личное отношение к изображаемым событиям и людям.

Современность, актуальность и художественное мастерство — были вопросами, над которыми более всего размышлял Микаил Мушфик. Самое большое достоинство его поэзии — в современности и народности ее. И в области поэтической техники он успел достичь завидных высот. Он выступил мастером-новатором и в области содержания, и в области художественной формы.

Мушфик любил детей, мечтал, чтобы они жили счастливо, росли достойными сынами и дочерьми своего народа. Он считал своим долгом писать и для детей.

Среди таких произведений хочется особо отметить сказку в стихах «Шенгюль, Шюнгюль, Мэнгюль», предназначенную для дошкольников, а также поэму «Гая» для детей старшего возраста. Оба эти произведения заняли прочное место среди самых любимых произведений детворы.

Мушфик, наряду с устной народной поэзией, глубоко любил и ценил классическую поэзию, всегда учился на ее лучших традициях. Особенно он увлекался Физули. Поэтическая виртуозность и мудрая глубина великого классика обогащала и вдохновляла Мушфика.

Сверстник Мушфика, поэт Мехти Сеидзаде в своих воспоминаниях отмечает, что к тысячелетию великого поэта Востока Фирдоуси он совместно с Мушфиком переводил произведения Фирдоуси. В связи с этой работой Мушфик иногда и по ночам оставался у него. «Я каждое утро, просыпаясь, видел в руках Мушфика том Физули. Читая великого поэта, Мушфик восхищался афористичностью его строки, обращаясь ко мне, говорил:

— Ты только послушай, как сказано! Что за прекрасные слова! Какой великий смысл в каждой строке».

Вообще, поэт, как правило, запомнил полюбившиеся стихи, и не будет преувеличением сказать, что он знал наизусть всю лирику Физули. Кроме того, он регулярно читал и перечитывал таких поэтов, как Низами, Насими, Вагиф, Сабир, Гусейн Джавид и другие.

Талантливый поэт совмещал оригинальное творчество с деятельностью и в областях художественного перевода. Он придавал большое значение переводческой работе, считал ее одним из важнейших средств установления и развития межнациональных культурных связей.

Среди крупных художников слова, произведения которых М. Мушфик переводил с большой любовью на свой родной язык, встречаем имена Фирдоуси, Омара Хаяма, Пушкина, Лермонтова, Шевченко, Е. Чаренца и других.

и в творчестве, и в личной жизни Мушфик был искренним и естественным.

Я б не писал, когда б не помнил вас,
Друзья, без вас, мой пламень бы угас.
Народ сказал: Пока не вспыхнет сердце,
Ни капельки не вытечет из глаз.

(«Листки раздумий»)

Он всегда прислушивался к своей совести. Как говорится, что у него было на душе, то и на языке. Мирза

Ибрагимов, вспоминая о собрате по перу, говорил: «Он (Мушфик) смотрел на жизнь, на людей, любовь и политику и на все глазами поэта. Он не обладал способностью, присущей некоторым дипломатам, подавлять свои страсти, и будучи внутренне взволнованным, не прояслять своих чувств внешне. Разумеется, если умение таким образом владеть своими чувствами служит в общую пользу, то оно является положительным качеством человека, но отсутствие этого умения, в особенности для поэта, не является большим недостатком. Мушфик и волновался, и переживал, и радовался открыто».

Мушфик в «Листках раздумий» сравнил себя с «месяцем, что не стал еще луной», имея в виду недостигнутые рубежи творчества. Но сегодня, за далью лет мы видим, сколь многого он достиг, сколь чисто и ярко сияние его музыки, и, судя по силе свечения, мы можем сказать, что Мушфик — это полнолуние в необъятном небе нашей поэзии.

ГЮЛЬ ГУСЕЙН ГУСЕЙНОВЛУ.

ЖИВИ, ДУША!

Дороге этой нет конца, —
Нелегко путь любви, душа.
Неловко я пустил стрелу,
Она в моей крови, душа.

От искры жарко вспыхнул стог,
Огнем любви я сердце сжег,
В груди я душу не сберег,
Осколки в ней твои, душа.

Ты — соколица, ты горда,
Приют твой — горная гряда.
Меняюсь я, ты — никогда,
Живи, душа! Живи, душа!

ТВОИ СМЕХ

Смех твой звенящий в моих ушах,
Если бы ты знала, на что похож, —
Это на маковых лепестках
Передрассветных росинок дрожь.

Смех твой, как вспугнутый ветерок,
Лепет весеннего утра в нем.
Губы твои, как звездный цветок,
Холодноватым манят огнем.

Этот смеющийся нежный рот
Видеть хотя бы издалека!
Смех твой дразнящий меня зовет
И ускользает, как облака.

Птица, летящая в высоту,
Проблеск луны средь талых ветвей, —
Смех твой дает стихам остроту,
Делает чувства мои ясней.

День наступает счастливый мой,
Снова приходит весна тогда,
Молнии мечутся над головой,
И, торжествуя, течет вода.

Мир это вечно цветущий сад,
Плеск и движение, трепет и шум.
Жаль мне того, кто жизни не рад,
Кто не смеется и кто угрюм.

ЗАРИСОВКА

*

Ей давно восьмой десяток, голова ее седа.
Руки — крылья обломали беспощадные года.

Время тихо погасило глаз ее беспечный свет,
Сердце бьется через силу, в нем давно
надежды нет.

Никогда не улыбнется, никогда не запоем,
Вся она, как лист осенний, ветер дунет — упадет.

На лицо легли морщины, словно борозды
забот,
И ладони рук усталых холодны, как зимний
лед.

Не поверишь, что когда-то и ее весна цвела,
Что меджлисов украшеньем эта женщина
была.

А теперь, куда-то глядя, потускневший взгляд
застыл,
Будто встали перед нею тени скорбные могил.

Жалко немощное тело, сил последних лишена.
Старой жить не надоело, к свету тянется она.

Так засохшая былинка дслу клонится, шурша:
«Ах, пожить бы хоть немного, просит солнышка
душа!»

Но, а ты, моя подруга, юность бьет в тебе
ключом,
Почему же ты тоскуешь и горюешь ни о чем?

В той восьмидесятилетней жажда жизни
велика,
Я не знаю, что с тобою, — от всего ты далека.

1-209358

ЖИЗНЬ

*

Жизнь?

А что она, жизнь? — задавал я вопрос.
По цветку, что весной из почвы пророс,
По заветным желаньям, что в сердце пронес,
Я разгадывать жизнь, молодой, научился.

А любовь?

Что любовь? — вопрошал я опять.
Встретил девушку. Ранила. Чем — не понять.
Взял я лук, как охотник, и в сердце стрелять
Я у девушки ранящей той научился.

Закипать от обиды,
Как воды кипят,
Пролетать над горами,
Как ветры летят,
И все время хотеть, что другие хотят, —
Я у многих науке простой научился.

Жизнь — забава,
Веселье она молодым,
И любовь молодого истает, как дым,
Быть же ярким, наполненным громом святым,
Я у молний порой грозовой научился.

Жизнь —
Зажгутся огни,
Смерть — погаснут огни,
Все проходит сменяясь, как ночи и дни.
Добираться до сути, что значат они,
Я в бессонной ночи трудовой научился.

**ОДИН ЛИШЬ
ВЗГЛЯД**

На сердце стужа.
Лед не стронется,
Пока не бросишь взгляд родной.
Оно оттаяет и раскроется
Цветами для тебя одной.

Повсюду снег.
И солнце с ласкою
Еще не смотрит на снега.
Но день прошел — и стала сказкою
Совсем недавняя пурга.

Зима притихла.
Сердцу грезятся
В цвету сады, речной поток,
И над садами — полумесяца
Чуть распустившийся цветок.

Но вот и впрямь
Взглянуло солнышко
Торжественней и горячей,
И сразу, радостный до донышка,
Заискрился,
Запел ручей.

ЕСЛИ БЫ ТО ЛЕТО ПОВТОРИЛОСЬ...

*

О, если бы то лето повторилось,
И божья милость
Послала мне счастливую удачу,
Чтоб ваша дача
Была бы снова по соседству с нашей,
Чтоб в полной чаше
Моей души кипело вдохновенье
От каждой встречи
С тобой, моя любовь, чтоб каждый вечер
Я новое писал стихотворенье.
Скажи, мое желание нежней
Твоих кудрей?
И по сердцу ль тебе оно?
И мне ль дано?..

О, если б вовсе не было разлуки,
Чтоб наши руки
Друг друга вновь нечаянно касались,
И мы смущались,

И все-таки сидеть старались рядом.
Чтоб робким взглядом
Ты заставляла сердце мое биться
Смятенной птицей,
Впервые ощутившей высоту
И быстроту.
Чтобы вели мы тайные беседы
В тени беседок,
И, опасаясь брата и сестры,
Меняла б ты,
Догадливая, тему разговора,
И только взоры,
И только губы наши и сердца
Друг другу открывали б, дорогая,
Все до конца.
Опять весна, она совсем другая,
Она еще прекраснее, чем та.
Мне жаль души, которая пуста.
Весна приходит к людям не однажды
И в жизни каждой —
Сегодняшняя лучше, чем бывшая.
Зарей пылая,
Пришла сегодня новая весна.
Она полна
Желаний и надежд и гулкой страсти —
Людского счастья.
В сегодняшней весне простору больше:
Все чувства тоньше,
Все думы глубже и стремленья — выше.

Родная, слышишь!
Еще в дороге нашей хламу много,
Еще дорога
Неполностью расчищена от грязи,
Но это разве
Не след минувших зол минувшей жизни
В моей отчизне?
Опять весна. Она еще красивей,
Еще счастливей.
О, если бы та дача повторилась!
Я жадно верю,
Что даст опять с тобой нам божья милость
Песчаный берег.
Чтобы опять бурлили, словно годы,
Седые воды;
Чтоб было море в солнечной оправе
Тебя кудрявей;
И чтобы там увидел я однажды,
С какою жаждой
Волна морская сжала твоё тело
Рукою белой;
И чтоб душа моя забушевала
Девятым валом;
Чтоб отравила душу мою ревность
И бросился я в Каспий, злости полн,
Тебя, мою морскую королеву,
Отнять у волн;
Чтоб море превратилось в путь победный —
В песчаник медный,

Где б мы соткали парус вдохновенья
Из нитей солнца:
Под золотым сияньем вдохновенья
Душе поется.
Я не могу о нем поведать наспех.
Взгляни на Каспий,
На Бузовнов ступенчатые скалы
Взойди, взгляни:
В ночи везде рассыпаны огни
Росою алой.
А в небе звезды маками горят, —
Весну дарят.
Какая это радость — мне с тобою
Моей судьбою,
Ночами на песке у вод немых
Часами слушать сказочниц морских.
Нет, мы еще послушаем с тобой
Ночной прибой.

О, как душа прекрасна на рассвете!
В минуты эти
Как хорошо отдать себя всего
Той голубой поэзии прибою,
Которая, хоть властна над тобою,
Но над тобой не справит торжество;
Порой подобно волнам опускаться,
И подыматься,
И отступать в испуге иногда.

О, как вода
На ржущего коня порой похожа.
Жизнь наша тоже,
Бывает, так похожа на волну —
Она все время волноваться может,
Но не идет ко дну.

О, если б повторилась та беседа
В стране влюбленных!
Чтоб упиралась ивовая ветка
В песок сожженный,
Сожженный солнцем и моею страстью.
О, если б вернуть я все был властен,
Чтоб я опять провел под ивой этой
С тобой все лето;
Чтоб были дни похожи на бокалы
С зарею алой;
Чтоб по ночам луны двузубый гребень
Разглаживал, расчесывал слегка
Твоих волос густые облака;
И чтобы небо
Их осыпало маками созвездий;
Чтоб снова вместе —
Душа в душе, в руке рука и взор во взоре —
Встречать нам зори.
Зачем в разлуке мы весною этой!
Летит планета,
Мои друзья еще счастливей стали.
Для новых далей

Они свои раскроют паруса.
И небеса
Им отдадут незримые высоты.
Земли пустоты
Заполнят люди россыпью огней
Страны своей.
А было время, в нем подобно тени
Жил человек.
Свободно дышит наше поколение,
И смело мчится парус вдохновенья
В грядущий век.

Когда я смолоду охотился прилежно,
 Попали в руки мне два белых голубка.
 И я их полюбил так горячо, так нежно,
 Что вдалеке от них брала меня тоска.

Я их не обижал: ласкал, лелеял, гладил,
 Следил, чтоб не было на крыльях ни пятна.
 Когда пришла зима и частый снег заладил,
 У сердца прятались два хрупких летуна.

Но пленники мои окрепли, окрылились,
 И, точно девичьи ладони, где-то скрылись, —
 У сердца поскреблись, понежились — и в путь.

И кажется, одно осталось мне на память:
 Когда я их сжимал, хотел переупрямить,
 Их злые коготки царапали мне грудь.

Не ты ли мать всему, всеобщая закваска?
 Нетленна ты одна. Бессмертна ты одна.
 Ты тело и душа, действительность и сказка.
 Земля-красавица, тобой мне жизнь дана.

Я брат земной траве, побегам и деревьям,
 Нас всех равно вспоил твой животворный сок.
 Но только человек — изменник тем кочевьям.
 Где сделал первый свой сомнительный шаг.

Земля и человек, одна душа в двух формах, —
 Но я тебя, о мать, зажму в горстях проворных
 И к небу подниму с земного рубежа.

Тебе я силы дам, в тебя вложу я душу,
 Цветами расцвечу твою пустую сушу,
 Страхнув горячий пот труда и мятежа.

ОБЛАКА

Облака, я люблю ваши чистые лица,
Я люблю ваши медленные вереницы.
Было небо бледно и мертво,
Вы одни оживили его.
Отчего без нужды и расчета
Я к вам руки простер?
Отчего?

Что вам толку в бесцельном и вечном скитанье?
Что вас гонит в дорогу? Надежда? Страданье?
Облака, облака, облака,
Крутогривые облака,
Словно конница, надо мною
Вы несетесь издалека...
Есть изорванные в клочки,
А иные — светлы и легки,
Есть — как чаши, до края налитые щедро,
Что грозит расплескать дуновение ветра...

Вы дрожите от каждого вздоха его...
Отчего?

Ветер гонит вас, сталкивает, разгоняет,
Серебристая ткань выцветает, линяет,
Расползается на шелковистые нити, —
Вы опять со слезами от ветра бежите...

Мчатся мимо легчайшие величавые крылья,
Мчатся мимо железные тусклоржавые крылья...
Что вас ждет вдалеке, облака?..
Но когда вас охватит тоска,
Но когда вы собьетесь с пути в бездорожье,
Вы с моею любимой схожи.

Юность, юность моя, соколиная стать,
Ты не хочешь задумчивой песне внимать?

Дни проходят — я песни слагаю...
Будни, верные будни, в труде, в тишине,
Когда я улыбаюсь, на облако глядя,
Говорить о любви, для заветной тегради,
Вы позволите мне?

Я не облако в небе, гонимое ветром,
Нет, мой жребий земной и мой путь не таков:
Я хотел бы, как молния, росчерком светлым
Проблестать над толпой облаков.

ТАР

*

Звени, тар,
Звени, тар,
Будь нежен, как прежде бывал не однажды.
Столетия ты людям поешь, а не стар,
И песня твоя — утоление жажды.

Звени, тар,
Звени, тар,

Ты желчь и услада, ты таинство лада,
Народа творенье и дар.

Я помню, домишки за ветхим дувалом,
Угрюмые очи скосив на восток,
Внимали тебе, и напевом бывалым
Ты вновь чаровал их, и мучил, и жег.

Я помню, как в комнатах тесных и чадных
Твой голос зовущий до ночи не тих.

Как плакали, слушая, женщины в чадрах,
Вздыхали мужчины в папахх седых.

Как бился чаргах, вылетал на дорогу, —
И круто придерживал путник коня,
И горное эхо трубило тревогу,
И волны ее разносили, стена.

О тар, воскреси мне газели Сеида
И жемчуг Бахара на нить нанижи, —
Я снова навстречу возлюбленной выйду
В ширванскую ночь, в переулки Гянджи.

Кто сердцем остыл, кто с судьбою не сладил,
Забыл, как даяния жизни щедры,
Ушел от природы и долго не гладил
Шершавые теплые плечи горы;
Кто горя хлебнул, кто изведаль измену,
Кто счастья не знает с любимой своей,
Кто просит о помощи, — тот непременно
Найдет утешенье у этих дверей.

Нет, песня твоя не похожа на птичью,
Особенный голос и нрав тебе дан:
Он полон печали и полон величья, —
Покой отняла, у тебя Зерафшан,
Покой отняла, наделила тоской,
Расстроила струны небрежной рукой.

Султаны немели,
Заслышав тебя;
Невольники пели
С тобою, скорбя;

Их жалобам вторя,
Медлительный звук
Вылечивал горе,
Как преданный друг;

И выткавший в муке
Ковры для других,
И те, кто от скуки
Дремали на них;

Пресыщенный словом
Поэт-верхогляд,
В атласе багровом
От шеи до пят.

На пире вечернем
Бубнящий одно:
«Налей, виночерпий,
Я славлю вино»;

И тот, кто твореньем,
Как жаждой, палим,
Объятый гореньем
Вагиф иль Надим, —

Все знали
Твою несравненную власть,
С тобою стонали
И плакали всласть.

Но ты не служил ни молле, ни святоше,
Мечеть не слыхала тебя никогда.
Она ненавидела песню... За что же?
За то ли, что песнь неподкупно-горда?

Ханжи заглушали завистливым воем
Твой праведный голос, будивший сердца,
На камни швыряли тебя головою,
Жестокие пальцы душили певца.

Они уничтожить тебя не сумели, —
Ни струны сорвать, ни сломать на куски.
Но был ты рожден, чтобы славить веселье,
А пел, задыхаясь от смертной тоски.

Какая печаль нас охватит, бывало,
Какая на сердце кромешная мгла —
В мечети,
Когда «Марсня» завывала
И шествовал на середину мулла.

Мы плакали вместе с тобою, о тар,
Грустили над нашей судьбою, о тар!..

Звени, меднострунный! Прошли времена,
Когда лишь о горе вещала струна.

Твой голос по радио — радости полон:
Впервые народ не угрюм и не болен.

О радости спой мне сегодня, тарист:
Вот сердце, что ветра свободней, тарист!

Навеки ушли и тоска, и усталость.
Молчит «Марсия», и моллы не осталось.

Звени, мой желанный,
Звени, неустанный,
При звуках ликующей песни твоей
У девушек лица — зари розовой.

О как твои струны легки и послушны!
Кто слушать сумеет тебя равнодушно?

Я трону струну золотую твою
И все, что задумано, людям спою.

Сегодняшний день я хотел бы прославить,
Немеркнувший след его в песне оставить.

О тар, ты оружие в искусной руке,
Ты с нами поешь на одном языке.

Пусть прошлое метко разит эта песня,
Пусть прошлое в наших сердцах не воскреснет.
Звени, неустанный! Пусть слышит народ!
Бакинский нефтяник с тобою поет.

С тобою поет
Тракторист молодой.
С тобою народ, —
Не смолкай же и пой!

С тобой хлопкоробы,
С тобой шелководы
Грустят и смеются,
Как в прежние годы.

Звени, тар,
Звени, тар,

Будь нежен, как прежде бывал не однажды.
Столетия ты людям поешь, а не стар,
И песня твоя — утоление жажды.

Звени, тар,
Звени, тар,

Ты желчь и услада, ты таинство лада,
Народа творенье и дар.

МОСТ

*

Я мощный мост. Я смелый переход
Из прошлых тяжких лет в грядущий год,
Из тьмы развалин к цветникам весны,
Из увяданья в молодые сны,
Из смерти в жизнь, от рабства к мятежу.
Вы знаете, как честно я служу.
Что мне угрозы гор и ярость рек!
Мне Ленин стал учителем навек.

Как дивы, что уперлись в грудь земли,
Быки мои стальные приросли
К породе горной, к зубьям древних скал.
Поэт еще и слов не отыскал,
Чтоб описать напор народных сил,
Который эту стройку возносил.
О как стучали юные сердца,
Пока я был отстроен до конца!
За мной века, но вечность предо мной.
Веду я битву с тяжестью земной.

Все люди, что сейчас по мне идут,
Узнают радость, солнце обретут.
Всем, кто достоин счастья, путь открыт.
Всем, кто пылает страстью, путь открыт, —
Все, кто с любимой нежно говорит,
Чья речь, как море пенное, бурлит.
Весна и осень разом — вот мой путь.
И свадьба с нежным сазом — вот мой путь.
Советские народы с первых дней
Меня сложили, чтобы стать сильней,
И миновали пропасти в горах,
И разобщенность разбивали в прах.
И был их труд началом всех начал,
Основу изобилья означал.

И все, что жаждут завтрашнего дня,
Меня построят и пройдут меня.
Все, что свернут с великого пути,
Должны шипы взамен цветов найти.
Быть другом человеку — вот мой путь,
Служить на совесть веку — вот мой путь.
По мне пройдут в крутые времена
Материки, народы, племена.

Тот современник в дальней стороне,
Что юн еще, — и он пройдет по мне.
Я выстроен навечно, навсегда —
Мост Власти, мост рабочего труда.

НОВЫЙ ДОМ

Плотник дом возводил, отлично сваи вбивал,
Словно для ласточек юных гнездышко он
свивал.

— Джан-уста! Я тощим стал, как тонкая
стрела.
Мне с глазами журавлиными девушка мила.
Строй мне крепкий дом, скорее возводи жилье,
Чтобы сердце не скучало бедное мое.
Всю любовь мою и радость, все ночные сны,
Все лучи дневного солнца, весь расцвет весны
В этой комнате просторной я обнять хочу,
Мою давнюю тревогу я унять хочу.

Плотник дом возводил, отлично сваи вбивал,
Словно для ласточек юных гнездышко он
свивал.

— Джан-уста! Ты славный мастер. Дело —
твой закон
Пусть же в небо распахнется светлый мой
балкон,
Чтоб чахотка злая в доме щели не нашла,
Чтоб в окне всходило солнце, а луна зашла,
Чтоб почаще свет смеялся, стены золотя,
Как дитя, что здесь родится — первое дитя.

Плотник дом возводил, отлично сваи вбивал,
Словно для ласточек юных гнездышко он
свивал.

— Джан-уста! Еще желанье родилось одно.
Мне построить жизнь по нраву, видно,
суждено!
Разобью я перед домом плодоносный сад.
Мой цветник с рассвета птицы пенем огласят.
Я в краю моем прославлюсь — первый садовод.
В пестрой комнате развешу звездный
небосвод.
Наша жизнь в объятьях весен, — видишь, вот
она —
На губах любимой солнце, на душе весна.

Плотник дом возводил, отлично сваи вбивал,
Словно для ласточек юных гнездышко он
свивал.

ПОЭТ

*

Да это ведь неслыханная честь —
Поэтом стать, в людских сердцах прочесть,
Что чувствуют, чем полнятся сердца,
 Без спроса в них войти
И разрушать отважно до конца
 Все злое на пути!

Мне гулы многолюдных толп слышны,
И с этой всенародной вышины
Я вижу, как идут ко мне друзья,
 Смелы и горячи.
Кто мне прикажет, карами грозя:
 «Не говори, молчи!»

Я вижу зелень рощ и пену вод.
Я вижу одаренный мой народ.
Я вижу свадьбы, праздники, пиры,
 Сверканье всех чудес.
Я вижу, как несет свои дары
 Народу Тертергэс.

Пусть отойдет любитель болтовни.
Пусть хлебороб и сталевар одни
Со мною ладят и войдут в мой стих, —
 Для них дорога есть.
Быть другом их и стать поэтом их
 Неслыханная честь.

Запела медь и заплясал огонь
И черный мрамор дыбится, как конь.
От стольких дел великих голова
 Сама кружится тут.
Но прежде чем стихи писать, сперва
 Пусть слезы потекут!

Да, для меня неслыханная честь
Поэтом стать, в людских сердцах прочесть,
Что чувствуют, чем полнятся сердца,
 Без спроса в них войти
И разрушать отважно до конца
 Все злое на пути!

МОЙ СТИХ

Общее с миром у вас естество,
разве не так, мой стих?
Ты — его разум и сердце его,
разве не так, мой стих?
Солнце дневное и звезды ночей
принадлежат тебе,
Всё хорошеет — и ты хорошей,
нашей подстать судьбе!

Мир музыкален во веки веков,
ты — его ритм и тон,
Из самых разных лучей и цветов
ты, как венок, сплетен.
Роза цветет; услышав соловья, —
так расцветай и ты,
Глубже становится смысл бытия —
не отставай и ты.

Но хороша только та глубина,
что простоте сродни,

Головоломка в стихах не нужна,
хватит пустой возни!
Тонкостью ты со струною сравнись,
славя наш век, мой стих,
Все упростилось — простым становись,
как человек, мой стих.

Тонкость — не слабость, не смешивай их,
разница велика,
Сила — не грубость, запомни мой стих,
разница велика.
Вооружаются снова враги —
сталь обнови свою,
Ту, что дороже души, береги,
будь, как солдат, в строю.

Вехи живого — рождение и смерть,
жизнь переходит в смерть,
Как тяжело превращенье терпеть,
как тяжело терпеть!
Завтра в печальную эту игру
вместе войдем, мой стих,
Но ты похоронен, когда я умру,
будешь в сердцах живых!

*

Я тучи, словно молния, порвал —
Сверкающим цветам я отдал сердце.
Я, словно солнце, темноту прогнал
И пламенным мечтам я отдал сердце.

Я медленно спускался с высоты,
Я таял, как свеча средь темноты.
Тускнели, как мираж, мои мечты, —
Очнулся и громам я отдал сердце.

Когда же крылья крепкие обрел,
На жизнь я снова глянул, как орел.
Мне юность подарила ореол,
Отчаянным ветрам я отдал сердце!

*

Свою работу каждый сделал с честью,
Никто не отступился от мечты.
Один пробился прямо к поднебесью,
Другой проник в подземные пласты.
Заветное свершая день за днем,
Мы добрым словом время помянем.

Прекрасно жить высокою мечтою —
Ей посвящать усилья и труды,
Прекрасно солнце окликать с луною, —
Пусть наши пополняются ряды!
Как хорошо с эпохой быть в ладах
И по цветку срывать во всех садах!

Объяты человеческие души
Стремленьем быть по праву впереди.
Повсюду — в море, в небе и на суше
Своя мечта у каждого в груди.
Но жизнь одна — желаний не сочтешь!
Об этом вспомнив, кто осилит дрожь?

Непостоянна жизнь — река крутая,
Пусть попусту не льется целый век
И пусть на мир, его окном считая,
Не мимоходом смотрит человек!
Не отступать от замысла, друзья!
Мы сдвинем горы запросто, друзья!

В каком бы вихре нас не закрутило,
Мне, вдохновенье, ты не прекословь
И не учись у зимнего светила
То исчезать, то появляться вновь!
Есть пятилетка у меня своя.
Все, что наметил сам, исполню я!

СТИХИ, ПОДСКАЗАННЫЕ СЕРДЦЕМ

*

Сердце мне подсказало:
Это — только начало.
Дни большого успеха,
эти главные дни,
Дни веселья и смеха,
эти славные дни, —
Все у нас впереди!

Это — только начало, —
Сердце мне подсказало.
Жизнь, — добавило сердце, —
превратится в жизнь
Для того отщепенца,
что не ценит ее.
Заводские ворота
и стальные пути,
И жемчужина пота,
как награды почти, —
Все у нас впереди!

«Счастье — в прошлом, далече», —
дед говаривал мой,
Сердце противоречит
поговорке былой.
Сердце мне подсказало:
Это — только начало.
Серебристые ночи — золотая пора
И молоденький садик, и седая гора,
Раскаленное солнце и студёный родник, —
Все у нас впереди!

НАШИ ГЛАЗА

*

Ночная мгла.
Ни звезд и ни луны,
Но ночь светла,
Как первый день весны.
Ах, эта ночь!
В объятьях света — ночь,
Как небыль,
Как мечта поэта, ночь!
По гулким тротуарам разошлись
И на местах застыли фонари —
Они, плечами подпирая высь,
Стоят на страже света до зари,
Их золотые кулаки грозят:
— Не смей к нам приближаться, тьма.
Назад!

А, может, это — птицы золотые,
На землю прилетевшие впервые,
И со столбов, как бы встречать рассвет,

Хотят взлететь они друг другу вслед?
А, может, это — светлые сердца
Тех, кто народу верен до конца?
Нет, это — наши зоркие глаза,
И скрыть от них грядущее нельзя.
Фонарные столбы,
Мы не слабы,
Но путь далек,
Он между гор пролегал.
И нам,
 когда пойдем на приступ гор,
Вы будете надежней всех опор.

Глаза!
Пред ними тает темнота,
Нежнеют, утончаются цвета,
И капли света,
 как с цветов — роса,
Уходят, испаряясь, в небеса,
И золотистым ливнем в тишине
Захлестывают сверху душу мне.

Глаза!
Они для темноты — гроза.
Кварталы, прежде мрачные,
 как днем,
В ночи
 залиты радостным огнем,

Ночная мгла.
Ни звезд и ни луны,
Но ночь светла,
Как первый день весны.
Ах, эта ночь!
В объятьях света — ночь.
Как небыль,
Как мечта поэта — ночь!

ПЫЛЬ

Снова пыль. Снова пыль надвигается тучей.
Что ей нужно, мой город, от тебя в наши дни?
Ты воспрял, мой Баку. Этот ветер колючий,
Ослепляющий ветер навсегда прогони.

Почему, почему не ласкает прохожих
Ветерок легкокрылый, облегчая им путь?
Почему же цветы, замирая от дрожи,
Не целуют тебя в раскаленную грудь?

Нет, позволить нельзя, чтобы выцвели с горя
Те цветы, что синеют за оградой ресниц,
Чтобы нежные взоры, как весенние зори,
Угасали от пыли, что не знает границ!

Я ли в том виноват, сын ли прошлого века,
Иль природа, старея, довела до того?
Можно верить, иль нет мне словам человека,
Что природа не выше, не сильнее его?

Человек всемогущ — если так, почему же
Мы сегодня природу безраздельно виним?
Пожелай человек — среди зноя и стужи
Вечноюные листья нависали б над ним!

Поколенья прошли, пустыри не тревожа,
Даже малого сада не могли заложить.
Вековую нужду, что с сиротскою схожа,
Лишь в недавние дни мы решили изжить.

Я хочу, чтоб не смел перелистывать ветер
Запыленную книгу песен жизни былой,
Пусть он в окна мои не стучит на рассвете
Чьей-то призрачно серой и дрожащей рукой.

Я хочу, чтоб луга окружили мой город,
Чтоб зеленой границей был Баку защищен.
Я хочу, чтобы мы лучше жили, мой город,
Чтоб детей не слепила пыль прошедших
времен.

Кто ж тогда, как Вагиф, не прославит расцвета
Той земли, что пустынна с незапамятных пор.
И останется грусть у какого поэта,
Если ветры и рощи поведут разговор?

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

*

Ты от меня вдали, и глаз твоих
Мне не увидеть издали влюбленно.
Но вот соединили нас двоих
Спасительные нити телефона.

Так почему же не гордиться мне:
Не жду гонца, как древние поэты,
Не ветер легкий и не птица мне
Донесут от тебя слова привета.

Твоя любовь чиста и глубока,
Но как доверить сердце разговору?
О, если бы я мог издалека
Понять все по единственному взору.

Слова! Я много слышал их в тиши
И от других. Обманывался часто.
Хочу, чтоб в черных зеркалах души
Открыла правду предо мной сейчас ты.

Но ты вдали, и черных глаз твоих
Мне не увидеть издали влюбленно.
Мне слишком мало, чтобы нас двоих
Соединяли нити телефона.

И верю я, еще настанет час,
Когда в стране у нас влюбленный сможет
Вблизи увидеть, даже разлучась,
Глаза, которых в мире нет дороже.

ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ?

Хорошо на крыльях песен
подниматься и лететь!

Жизнь — работа и сражение,
жизнь — свобода, счастье, труд.
Если так, то в чем же дело?
Нам нельзя терять минут.
Разве можно в нашем мире
преждевременно стареть?

*

Так давно никто не трогал —
на стене пылится тар,
Будто замкнутое сердце,
онемев, томится тар.
Как забьется сердце это, —
я услышу, или нет?

Тар отделан перламутром,
он душе твоей подстать,
Песни — россыпи жемчужин,
что не могут не блистать,
Вновь игру теней и света
я увижу, или нет?

Ты с собрания возвратилась,
я над книгою устал,
Что же медлить, пусть скорее
прозвучит гортанный тар!

ВЕТРЫ

*

Утро ль раннее, ночь ли поздняя,
ночь ли поздняя, утро ль раннее —

Неожиданно заявляется
бесшабашная их компания.

Отпирай-ка ворота! — требуют,
ни к чему тогда препирания.

Будто песенники счастливые,
распевают повсюду ветры,

Путешественники счастливые,
попевают повсюду ветры!

Ветры, ветры, вы очень разные —
сердобольные вы и грозные,

То пугливые, то бесстрашные,
то беспечные, то серьезные,

Равнодушные, иль пристрастные,
раскаленные, иль морозные.

Вы на севере и на западе,
и на юге витали, ветры,

И восточные наши запахи
вы, конечно, впитали ветры.

Осушая росу пьянящую,
совершаете небывалое —

Там, где падает конь подкованный,
поднимаетесь в небо алое.

Не убавится вашей удали,
подарили и мне бы, шалые.

Ранным утром, иль поздним вечером
поравняться б с горою, ветры,

Чтоб со мною была доверчива,
я ей сердце открою, ветры!

Громыхайте, гремите, грохайте,
чтобы сила моя воспрянула,

Чтобы в бурю большая молния
осенила меня, упрямого,

Чтобы слава пришла огромная,
чтобы слово погромче грянуло —

Вы же сами внушили гордую
мне мечту о полете, ветры,

И к себе на вершину горную
непрестанно зовете, ветры!

ТУЧЕ В ЛИЦО

Ты, небось, хотела б небо
заграбастать целиком,
Тусклой молнией махая,
как зазубренным клинком,
Но к чему, скажи мне, туча,
этот грохот, этот гром?
Хватит шуму, дай же мне
Пораздумать в тишине!

Без тебя тревог немало
в глубине моей души,
У меня мечты — подростки,
а раздумья — малыши.
Я твоей не жду подачки,
задаваться не спешу.
Хватит шуму, дай же мне
Пораздумать в тишине!

Посуди: у молодого
жизнь большая впереди,
Ни малейшей тени в мыслях,
ни печалинки в груди,
Голос мой из чистой меди,
ты надрывно не гуди.
Хватит шуму, дай же мне
Поразмыслить в тишине!

На меня не надвигайся,
не дави тяжелой тьмой,
Заволакивая мраком
путь: мой светлый и прямой.
Я разгневанной мощью
равен вечности самой.
Хватит шуму, дай же мне
Поразмыслить в тишине!

ТЕЛЕГРАФНЫЕ ПРОВОДА

Не поймешь, если глянешь издали, —
охраняют ли что столбы,
Иль чего, ожидают, идолы,
деревянные морща лбы.
Чтоб не видели, чтоб не выдали,
груз своей и чужой судьбы
Тайно взваливают на плечи им
телеграфные провода,
Ранним утром и поздним вечером
телеграфные провода.

Расстояния уменьшаете,
приближая концы дорог,
Людам стойкость свою внушаете,
если валятся люди с ног,
Растревоженных утешаете,
избавляете от тревог,
Вы — в просторах не просто странники
телеграфные провода,

Вы — народов и стран посланники,
телеграфные провода.

Все, что надо сказать, — пожалуйста, —
не теряя усилий зря,
Город городу скажет запросто,
вас при этом благодаря.
Необъятные реки замыслов
и мечтаний у нас — моря,
Мы плеснем — подставляйте чаши вы,
телеграфные провода,
Каждый дом посещали чаще бы,
телеграфные провода!

Год за годом пройдет — и сбудется
предсказанье прошедших лет,
Человечеством зло избудется,
разногласья сойдут на нет.
Мир увидит, когда пробудится,
что окрасился в красный цвет.
То известье вы так объявите,
телеграфные провода,
Чтоб навеки осталось в памяти,
телеграфные провода!

ЛИСТКИ РАЗДУМИИ

*

Высокий я избрал себе маршрут.
Подъем, с борьбою сопряженный, крут.
Мне хорошо среди людей хороших,
Что ценят человека, ценят труд!

*

Я молод, знаю — счастье предо мной,
Как месяц, что не стал еще луной.
Я только распускаю парус белый —
Не вей же, черный ветер, над волной!

*

Я в самой гуще классовой борьбы,
Один из рядовых, что не слабы.
Мне быть поэтом времени такого?
Пойми, что нет завиднее судьбы!

68

*

Со вздохом прадед мой покинул мир,
Путь скоротал земной, покинул мир.
Бедняга мак сажал, но мрак пожал,
Слезу назвав росой, покинул мир.

*

Края Советов нам принадлежат,
Плоды расцветов нам принадлежат.
Пошире ворот распахни, дружище,
Ветра рассветов нам принадлежат!

*

Вот это небо с морем — наши, друг.
И все, на что ни смотрим, наше, друг!
Соцветья на земле, созвездья в небе,
Созвучья в речи — наше все вокруг.

*

Найдется место на груди родной.
Свобода — мать, ребенок — шар земной.
Настанет день — измученному сыну
Найдется место на груди родной.

69

*

Мое происхождение ни при чем,
С трудящимся иду к плечу плечом.
Я — человек, краса и гордость мира,
Я порожден росинкой и лучом.

*

В родном саду я тоже соловей,
Мои мечты раскидистей ветвей.
Поэту внемлет, выйдя из землянки,
Колхозник в светлой комнате своей.

*

Земле цвести, как мы велим в мечтах,
И нашим песням не смолкать в веках.
Великий мир, как малого ребенка,
Мы вынянчим на собственных руках!

*

Мы не потерпим пустошей безводных,
Всем сердцем я на торжествах народных.
Людей свободных радуют иначе
Права на труд, учебу и на отдых.

*

С былыми не сравнить — наш век иной,
Людей труда я счел одной семьей.
Меня писать сегодня заставляет
Товарищ солнца — Мингечаур мой.

*

Трудясь, мы станем более мудры,
Откроем в мире новые миры.
Народ, как символ своего подъема,
Огонь зажжет на берегу Куры.

*

Давай дела дневные кончим днем
И ночь в хорошем месте проведем!
Приветствуя прекрасный берег, утром
Поднимем парус вновь над кораблем!

*

Давай исполним все мечты, мой друг,
Давай осмотрим все цветы, мой друг.
И перед солнцем — ясным и высоким
Мятежный дух расстелим, словно луг!

*

Поищем собеседников, найдем
И о любви беседовать начнем.
Высокие стремленья постигая,
Мы ускоряем собственный подъем.

*

Страх смерти отвергая навсегда,
Большая жизнь извечно молода.
Мы пестуем в мечтах, как в колыбелях,
Невиданные детища труда.

*

Всю ночь душа с душой была вплотную,
Настал рассвет — прощанье, поцелуи.
И каждый чашу сердца подставляет
Под золотые солнечные струи.

*

Распахнут, как объятье, небосвод,
А звезды — это детский хоровод.
В объятьях матерей, как звезды, дети
И на земле их больше что ни год.

*

Кто лжет, что жизнь — напрасная тщета,
Бесплотный сон, бесплодная мечта?
Нет ничего дороже человека,
От человека — жизнь и красота!

*

Я славлю наши вольные сердца!
Родят мечты, как молнии, сердца.
Заботами, отрадами, страстями
Кипят, как чаши полные, сердца.

*

Бездумный стих — безароматный мак,
Птенец, что в небо не взлетит никак.
Пустой, нескладный стих подобен пиру,
Где нет красавиц, где владычит мрак.

*

Вчера с поэтом встретился одним —
Скупец, сказав словцо, дрожит над ним.
Довольно! Невлюбленных и бесстрастных
Мы на арене видеть не хотим!

*

Без вдохновенья петь нельзя певцу,
Без доброй няни жить нельзя малышу.
Любой, кому не лень, в поэты лезет,
Но стыд и наглецу порой к лицу!

*

Какой бы ни избрал в искусстве путь,
Пускай любовь тебе наполнит грудь.
Поэт, художник, или композитор —
Будь кем угодно, только первым будь!

*

Что ты, душа, волнуешься опять?
Иль есть вершина, что не можешь взять?
Иль в небе есть другая соколица,
Что пляшет в ураган тебе подстать?

*

Я украшаю праздники побед,
Я приглашаю звезды для бесед.
Пойми, моя свобода необъятна,
Я — небо и земля, я — белый свет!

*

Я б не писал, когда не знал бы вас,
Друзья, без вас мой пламень бы угас.
Народ сказал: Пока не вспыхнет сердце,
Ни капельки не вытечет из глаз.

*

Нет солнца — не очнется стебелек,
Нет ветра — не качнется фитилек.
Когда б меня друзья не вдохновляли,
Ни звука б я из сердца не извлек!

*

Я не ищу потерянное где-то,
Я не грущу, друзьям известно это.
Что нашему столетию посвящу?
Есть и перо и сердце у поэта!

ПЕСНЬ О ТЕРТЕРГЭСЕ

I

Опять душа моя вдали,
Где птицы реять не могли,
Парит, легко взмахнув крылом.
И не на месте снова мысли,
Они над пропастью нависли,
Кропя туманом бурелом.
О чем волнуется поэт?
Эпохе нашей равных нет
И не отыщется в былом.
Так пусть слова, подобно турам,
И вниз и вверх по склонам бурым
Летят в порыве удалом!
Пора! Мне буря не страшна,
Пусть песни, за волной волна,
Идут сквозь бурю напролом!

II

И вот, пришла весна в наш край.
Тарист, пожалуйста, сыграй
В честь этой встречи что-нибудь.
Сыграй такое, чтоб в обнимку,
Туман, танцуя, вывел дымку,
Чтоб даже горы всколыхнуть!
Земля под солнцем зелена
И улыбается она
Тем, кто познал земную суть.
Листва терпенья облетела.
Тарист, настроив саз умело,
Упри его себе о грудь.
А я раздумья запишу,
Стихом, как гребнем, расчешу
И выйду вновь с Тертером в путь.

III

Не счесть заснеженных папах —
Прекрасен гордый Карабах
Весенним утром — посмотри!
Цветы выходят на тропинки,
Росой осыпаны травинки,
Как перламутром, — посмотри!
На голубые облака,
На поднебесные луга,
Что изумрудны, — посмотри!

И на Тертер в тисках бетона,
Покорно сникший у затона,
Барашкоудрый, — посмотри!
Вздыхни, товарищ, грудью всей
И на людей, простых людей,
Творящих мудро, — посмотри!

IV

Ответь поэту, Тертерчай,
Какая буря невзначай
В горах дала тебе исток?
Что ни струя — строка в дастане,
А-половодье — как восстанье,
И вправду, жребий твой жесток!
Давно исчезло то, что смысл,
Но дважды по тебе проплыл
Хотя б единственный листок?
Блестят извилистые плесы,
А не истории ли слезы
С твоих, Тертер, стекают щек?
Бессилен был любой утес
Перед потоком этих слез,
Кто, как не я, тебе помог!

V

Давай по совести, река,
Речь поведем издалека,

Припомни все сначала ты!
Горело некогда селенье,
А ты была не в отдаленье,
Вблизи его журчала ты.
Так почему же в час беды
Струе огня струей воды,
Вскипев, не отвечала ты?
Бежала, чтобы не вернуться,
Боялась даже обернуться —
От страха одичала ты.
Отчизна-мать, поведай мне,
Поведай мне, по чьей вине,
Горя в огне, кричала ты?

VI

Чей это путь? Дашнакский путь...
В ущелье каждом — кровь и жуть,
Кровь из людей текла и скал.
Крича «от моря и до моря»,
Дашнак принес немало горя,
Дурную славу он снискал.
И там, и тут хватало бед.
Шел мусават, как людоед,
Вы помните его оскал?
Здесь: ни садовнику, ни саду
Когда-то не было пощады,
Гуляла смерть, свинец плясал.
И знаем мы, и помним мы,

Кто плакал средь кромешной тьмы,
А кто беде рукоплескал.

VII

Не утвердились ложь и зло,
Что миновало, то прошло.
Дни новой жизни — рать моя.
Питая в будущее веру,
Мечты доверили Тертеру
Гора моя и падь моя.
Азербайджанец, армянин —
Судьба едина, труд един,
В единстве мощь и стать моя.
Тертер, прошу твоей подмоги,
Чтоб не отстать в большой дороге.
Какая скорость, мать моя!
Спешу — нельзя терять минут,
Горя от нетерпенья, ждут
Перо мое, тетрадь моя.

VIII

Славь Алагез, хребет Мровдаг —
Из их ручьев в тебе вода,
Достойно славословь, Тертер.
Взлетишь, как жаворонок смелый,
Иль, как скакун взовьешься белый,
Чтоб опуститься вновь, Тертер.

Но не входи, бурливый, в раж,
Ненужное не будоражь,
Былое не буровь, Тертер.
Заблудший сам себя ославит,
И навсегда его оставит
Народная любовь, Тертер.
Так не петляй, спускайся вниз
И влейся там, где Мадагиз,
Ты в грудь мою, как кровь, Тертер!

IX

Что ни лужайка — новый вид.
Как птица реять, норовит
Душа, забыв гнездо свое.
И всё вокруг — как на ладони,
И лес, чернеющий на склоне,
И дымки легкое витье.
От слез по горю старины,
По ранам нашей стороны
Мы отличать должны нытье.
Ты человечество сплотила,
И колыбель ты, и могила —
Земля, пристанище мое.
Кто скажет: безобразен мир,
Прекрасен ты, прекрасен, мир,
Мое исконное жильё!

Х

Раскрой глаза — перед тобой
Вершины в дымке голубой,
На Карабах прекрасный глянь.
Явив ему любовь и милость,
Природа славно потрудилась,
Отшлифовав любую грань.
Здесь соловьи и розы есть,
Не жаль отдать и душу здесь,
Увидишь высь — и наземь грянь!
Блестит серебряное ложе,
Река на девушку похожа,
Чей грустный тар тревожит рань.
Я слов своих не досказал,
Я отвести не мог глаза,
В горах свою приметив лань.

XI

Сказать о деле не успев,
На все лады уже воспел
Восходов золото поэт.
Свое сказать ты должен слово
О том, что сердцу стало ново,
Не те мы горы-то, поэт!
Заставь, поэт, оркестра медь
Над всей планетою греметь,
Довольно шепота, поэт!

Бери заряды аммонала,
Чтоб тьма, что край наш обнимала,
Была расколота, поэт!
Чтоб тот, кто наш не ценит хлеб,
Не видит нас, хотя не слеп,
Оглух от грохота, поэт!

XII

Когда наотмашь высекал
Я новый путь среди старых скал,
Услышал боль твою, гора.
Но ты меня пойми, однако,
Я грудь твою спасу от мрака
И в сердце свет пролью, гора.
И ты мою одобришь цель —
Широкий я пробью туннель,
Навстречу дню пробью, гора.
Неугасимый свет зажжется,
Должно сиять ночное солнце
В заоблачном краю, гора!
Устроим празднества потом,
Сперва прославимся трудом,
Возвысим честь свою, гора!

XIII

Из мрака солнце поднялось,
Лучами колкими насквозь
Пронзив туман и облака...

Но знаешь ли, какое солнце
Взойдет, когда сквозь мрак пробьется,
Мечта, туманная пока.
Тертер, плескайся и блести,
В пути далеком навести
И горца ты, и степняка.
Ты прояви свое всеилье,
Пусть будет краем изобилья
Приют змеи и паука!
Пусть навсегда исчезнет тьма
Из царства света и ума,
Что создается навека!

XIV

Как лебедь, каждая волна,
Прости, Тертер, я жажду сна,
Спой колыбельную мне ты.
Пусть песня не идет на убыль,
Смотри — мои волнисты губы,
Как ты, не зная немоты.
Как свет вечерний, чтоб он гас,
Тьма потоптала вдоволь нас,
Мы вырвались из-под пяты.
Стонали долго мы на свете —
От стонов не родится ветер,
От слез соленых мрут цветы.
Невесту в дом привел земляк —
Пусть лампа вспыхнет, словно мак,
В дом не впуская темноты.

XV

Давай себя ударим в грудь —
И за работу, в добрый путь,
Ты свет пролей — я пот пролью.
На Дашкесан пойдем в тумане,
В труде взаимопониманье —
Взаимовыручка в бою.
У нас в стране железо ждут,
Железо облегчает труд,
Удвой стремительность свою!
Электропоездом с размаху
Соедини Казах с Евлахом —
Молниеносность воспою.
Во тьму впечатай светлый след,
Дай моему народу свет,
Как я свой пламень отдаю!

XVI

Как Тертергэс верней назвать?
Она — красавице подстать,
Стройней неужто станы есть?
ГЭС — отрицанье слов извечных,
Что нет красавиц безупречных,
Что у любой изъяны есть.
О чем печалиться тому,
Кто здесь трудясь, кромсает тьму?
Какие здесь поляны есть!

Под вечер друг встречает друга,
Под вечер вся поет округа,
Здесь тары есть, баяны есть.
Уходит солнце. Там ему
Не тесно ль будет? Не пойму —
Да разве краше страны есть?

XVII

Я всех людей сюда зову —
Вершится чудо наяву.
Как много новых здесь примет!
Где было кладбище немое,
Канал теперь там землю моет,
Смывает след прошедших лет.
Здесь я увидел старика
И понял я: наверняка
Спросить о чем-то хочет дед.
И я сказал: Печаль отбрось-ка,
Что — я? Земли, быть может, горстка.
Смотри туда, вот мой совет.
На эту стройку посмотри,
Как долбят бойко, посмотри.
Тускнеет жизнь и меркнет свет...

XVIII

С пробитым черепом в руках
Я размышлял: все — тлен и прах,

Мы все пойдем на корм червям.
Не смог я справиться с тоскою,
Потом махнул на все рукою
И улыбнулся, как Хаям.
Решил свой краткий век земной
Я в праздник превратить сплошной,
Хорошим радуясь вестям.
Мои блуждающие взоры
Привлек Тертер, что рвется в горы,
Как небывалый век, упрямя.
Я восхитился красотой
И череп, как бокал пустой,
О камень я разбил к чертям!

XIX

Огромный вырыв водоем,
Мы все живую воду ждем,
Весь мир в него вместим, друзья.
Землею этой и Тертером,
И потом и трудом безмерным
Мы веку путь мостим, друзья.
Был в мире гостем человек,
Теперь у нас в гостях наш век,
У гостя мы гостим, друзья!
Его неплохо мы встречаем,
А если в чем-то поплошаем,
Себе мы не простим, друзья.
Так проводите гостя в путь,

Чтоб не обидеть чем-нибудь,
Добром простимся с ним, друзья!

XX

Пусть, как младенческие сны,
Отрадны будут и ясны
Любой рассвет, любой закат.
Пусть наши песни, что впитали
И нежность роз, и строгость стали,
Как ливни, землю освежают.
Пусть всё, чем славится земля,
Глаза и сердце веселя,
Вольется в нас, как водопад.
После работы в час вечерний;
Пусть нас приветит виночерпий,
Рокочат тар и бубен в лад.
Да есть ли в мире капитал,
Чтоб выше человека стал?
Нет, человек — бесценный клад!

XXI

Звени в ущельях, словно саз,
Не умолкая ни на час,
Сестра души моей, река!
Как друг на друга мы похожи!
Молчанья не люблю я тоже,
Свой нрав менять не смей, река!

Не стань похожей на сердца,
Что истожились до конца,
Вовеки не мелей, река!
Песнь о зеленом духе нашем —
Заветный гимн полей и пашен,
Воспрянув, грянь смелей, река!
Когда в объятьях красоты
Поют из края в край сады,
Нет ничего милей, река!

XXII

Народы я зову сюда
И воды я зову сюда —
Пускай в один сольются хор!
Пускай своей рукою каждый
Коснется вечности однажды,
Чтоб навсегда вобрать простор.
Пусть будет бодрым целый век,
Пусть в мире каждый человек
Оставит след, как метеор!
Нам воздвигать под небом алым
Дворцы с размахом небывалым
И из лучей соткать узор.
Созвездий гроздь все равно
Мы, выжав, выпьем, как вино —
Земле и небу не в укор.

О Тертергэсе, об огне,
 Что в вышине и глубине, —
 О быстротечном эта песнь.
 О счастье, о земной отраде
 И о труде не хлеба ради, —
 О безупречном эта песнь.
 О душах без единой тени,
 О широте и единенье
 Чистосердечном эта песнь.
 О красоте, что чувства будит,
 О чувстве, что вовеки будет, —
 О человечном эта песнь.
 О жизни, что мила всегда,
 И о вселенной, что седа,
 О мире вечном эта песнь!

*

Думаном звался он — тот молодой ашуг;
 Хоть сын безвременья, — народу верный друг...
 Саз перламутровый едва прижмет к груди, —
 И расцветала жизнь, вновь счастье впереди!
 Все в бурном говоре трехструнный саз сберег —
 Кипенье горных рек, и страх ночных дорог...
 То бесприютный дух в дубраве прогудит,
 То веселящаяся птица прозвенит!..
 Несчастен ли народ, бесправен ли народ,
 Когда такой ашуг в народе том живет?

*

Весна... Охвачена природа буйством сил...
 О, пестрота долин, и склонов пестрота!
 Вдруг туч небесных плач здесь травы оросил,
 А вдруг опять цветы смеются неспроста! —
 Трепещут юноши, встревожены весной...
 Наряд, блистающий весенней новизной,

Накинул наш Халандж...

Как тепел ветерок!..

Мальчишки, девочки здесь бродят без дорог,
Смеются, бегают... Гляди, — в руках у них
Пучки простых цветов душистых, луговых,
Усталый человек, болевший много лет,
Дыханье их вдохнет и вновь увидит свет!

Но кто под ивой здесь над медленной рекой?
Чей затуманен взор?—В нем грусть и непокой...

Сарин! Ее гнетет раздумье об одном:

«Сойдет ли с гор Думан? Побудем ли вдвоем?»

И странно! Среди родных, сияющих долин

Мрачна, как темный лес, тревожна мысль

Сарин...

Гулять бы без забот на светлом берегу:

Ей зеркало — река и гребень ей — ветра...

Но ждет... И, наконец, — он здесь! Он не в

долгу.

Спешит, спешит Думан. Давно ему пора.

Думан

Сарин! Сарин!

Сарин

О! Ты? Но как средь бела дня

Встречаться? Стыд! Уйди...

Думан

Не бойся. Пустота.

Холодное, Сарин, сердечко у тебя!

Ох, моему оно, как видно, не чета!..

Сарин

Увидит кто-нибудь... И честь мою губя,
Пойдет рассказывать!

Думан

Нет, речь твоя не та,

Которую я ждал...

Сарин

Отец. Он не простит!

Думан

Зачем же я бежал, спешил, хотел сюда?

Уйти непонятым тобой? Вот это — стыд!..

Сарин

Мы ночью свидимся...

Ты все поймешь тогда...

*

...О, имя древнее прадедовской земли! —

Бэрмэк... Стихи мои открыть вам не могли,

Не смогут никогда — загадочную суть

Тех каменных красот, — их тайны отомкнуты!

...А как народ хорош! Крылаты, высоки

Порывы юных душ и взлеты их легки;

Прекрасны девушки, — природою самой

Глаза их от роду подведены сурьмой;

Их лица, как цветы, как ропот рек, — их речь,

Лучисты дни любви в сиянии молний—встреч,

Туманны дни разлук... Мечты, мечты, мечты, -

А в ночи лунные — сны лунной высоты,

И по утрам вместить их в небеса нельзя,
Где реют ангелы, меж звездами скользя...
Объятый в небесах чуть слышен аромат,
Теплом и свежестью небесный полон сад,
И снов, рассказанных друзьям, слова просты,
И души юношей, что горный снег,

чисты,--

Внедрились чувства их в могучий камень скал,
Чабанской дудки стон в нем сердце отыскал,
Он бейты в путь ведет, Керема песнь ведет,
Всем измененьям чувств ведет ревнивый счет:
Есть срок для радости, есть для печали срок
Горючих слез, что жгут холодный мрамор
щек...

Порой прощанье жжет, но свежим ветерком
Свиданье обдаёт... И маленьким ростком
Вдруг явится любовь и набирает рост!..
Улыбки легкие. В них дрожь далеких звезд,
Полураскрывшихся бутонов холодок.
Есть тихих взглядов грусть — притушенных,

без искр:

Они — усталые олени, — путь завлек...
Но беглый поцелуй, — и вновь остер и быстр
Усталый, тихий взор!. И снова — даль дорог...
Чего здесь только нет?.. Бэрмэк!.. Чего здесь
нет?

Есть тени вымыслов и ясной правды свет...
Ты — кто, Бэрмэк, ты — что? Ты — потаенный
клад,

Еще не вырытый, как сотни лет назад!
Богатство дивное тебе, Бэрмэк, дано,
Но от казны твоей потерян ключ давно.
В твоих стремнинах дождь жемчужины родит,
Алмазы светлые — твой черный антрацит...
Недобр твой зимний сон, весна — нежнейший
пух...

У разговорчивых садов тончайший слух...
Ашугов голоса звучат в ночи,
А горы и лужайки спят в ночи...
Деревьев трепет, дрожь ночной листвы в росе,
Луна во всей своей магической красе,
И синий луч небес, где каждая звезда —
Ромашкой желтою, — лучиста и густа!
А землю сладкий сон в объятиях несет
В глубь мироздания, в свет радужных высот...
Ночь, тишь и аромат, и ветер сам пленен:
Едва лишь пролетит на хрупких крыльях он,--
Вся вздрагивает ночь...

Ашуг восторгом пьян,

Вздыхает глубоко и ввысь глядит Думан:
Игра лучей, теней — какое торжество,
Какое зрелище! — Вот праздник для него!..
Он — кажется ему — с природой всей един...
И вот желанная встает пред ним Сарин.

Д у м а н

...Пленит ли свет луны покоем голубым
Уже плененного, Сарин, лицом твоим?

А звезды не светлей твоих прелестных глаз,
С упреком на меня взирающих сейчас...
Мне грудь открытую грусть рассекла твоя!
О чем тревожишься, страдание тая?

С а р и н

Думан! Грызет меня обида на тебя:
Всех восхваляешь ты, всех поровну любя!

Д у м а н

...Одна владеешь ты моей любовью — ты,
Мой край и мой народ, мое гнездовье — ты!
Тобой клянусь! — Кумир — твой образ для меня,
Пора весны — твой мир, твой возраст для меня!
Стан восхваляю твой, — «чинар» о нем сказав;
«Поток хрустальных вод» — твой непокорный
нрав.

Просвет ворот зари — раскрытый ворот твой
Лучи — румянец щек, их отсвет золотой,
Сказав «бутоны роз», — сказать «уста» успел,
«Сирени белой гроздь» — твой подбородок бел!
Пройдешь, — и ветерок предутренний летит...
Прекрасна ты душой, прекрасна ты на вид,
Одну тебя люблю... И волосы твои —
Струн саза моего тончайшие струи...
В народе знают все: Сарин — Думана страсть...
Кому не по душе волшебной пери власть?
Разумна и добра, прелестна ты.
Ты — баяты, газель, вся — песня ты!

Кто отречется от своей души?
Не мог Сары* отречься от Яхши! **
Любой влюбленный тянется к своей
Возлюбленной! Но ты понять сумеи:
Любой Меджнун — Меджнун своей Лейли, —
Бредет в пустынях от нее вдали...
Фархад скалу могучую рассек,
Чтобы Ширин прославилась навек...
Керем, чтобы отдать Асли огонь, —
Из пламени к ней протянул ладонь!
А праздник небу и земле — вдвойне:
Гариб и Шахсенем — наедине!..

*

Но время движется... Вот листопад
В лесах и в рощах... Увядает сад.
Стоят меланхолические дни, —
Им почему-то речь в стихах сродни...
И листья слабо светятся, дрожат,
Похожие на желтые огни!
Им хватит дуновенья одного:
Вздых — и конец! Отжившее — мертво.

...Весну — я знаю — любит молодежь,
Но в срок любой прекрасное найдешь...

Все тихо на токах... И убрано зерно.
Судьбе — завистнице поприздравовать дано

* ** прославленный ашуг и его возлюбленная.

Не снегом, — дождичком сереющим, как дым...
С амбаром полным — жизнь! А как с полу-
пустым?

Кто из крестьян грустит, кто весел... Так везде,
А все же празднуют—кто в счастье, кто в беде.
Соединяются влюбленные! Прошла
Их сказка летняя. К зиме спешат дела...
О, бубен и зурна, и эхо наших гор!
Тот, чья мечта мечтой осталась до сих пор, —
А много ведь таких! — завидуя другим,
Все ж народить детей, — как брат, желает им.
Мать беспечальная — печальной скажет так:
— И для своих детей дождись таких же благ!

...Завечерело. Сплошь от пастбищ до села —
Стада, и занят путь... Желта от пыли мгла.
На Западе — светло. Но синева теней
Под небом блекнувшим все гуще и плотней...
Хоть охладел старик, а в юном кровь — огонь,
Равно охота им плясать, — лишь струны троны!
Халанджу невтерпеж — о свадьбах нынче
речь...

Скорей бы жар сердец еще сильнее разжечь!
Приди, о, мой ашуг, приди!
Бесед веселых друг, приди!
Лишь оглядись вокруг, — приди,
В товарищеский круг войди!

Твой голос — ветер, водопад,
Народа силы в нем кипят,

Народа сыну — каждый рад,
В товарищеский круг войди!
Как с розой связан соловей,
Так ты — с опорой своей —
С народом! — Верным быть сумей, —
Судом певца ты жизнь суди.

Мое живое слово — ты,
Моя слеза и слава — ты,
Мое святое право — ты,
Для битвы — храбреца буди!

Гора — при мне, туман — с тобой,
Со мной — недуг, ты — лекарь мой,
Я — лишь свирель, тростник немой ---
Дыханьем стань в моей груди!

Ты — перл, а перламутр — народ,
Твой голос в горестях спасет,
В пожаре будь — водой с высот!
От свадьбы к свадьбе проходи...

...Но что за свадьба? Разве свадьба --- тут?
Зарезали брашков молодых,
Освежевали... И огонь раздут...
Но все не то... Был разговор, затих.
Где музыканты? Где плясать, скажи?
Здесь не слышать ни сердца, ни души.

Застыли гости на своих местах,
И что их леденит? Смущенье? Страх?
Настроены все уши на муллу:
Мулла возносит всем святым хвалу —
«Восславь Али и восхваляй Вели...
Гасан, Гусейн! — их воспевать вели!» —
Гундосит и бубнит мулла Наджаф,
Всю глубь земли и семь небес поняв!

Башка забита... На замке уста, —
«А вдруг здесь черный филин... неспроста?
Все исподлобья смотрит, всех блюдет,
Как выжидающий добычу кот.
На свадьбе мы? Или на тризне мы?
На празднике не видим жизни мы!
На свадьбе поплясать не удалось...» —
— «Эй, брось, подружка! Вдруг услышит?

Брось!..

А юноши... Теснит от злобы грудь,
Досада подпирает, — не вздохнуть...
— «Да как, скажи, поймет муллу чабан,
Себя заставить плакать? Ведь обман!..
Когда бы речь о волке, об овце, —
Послушал бы... Заплакал бы в конце...
Единоборство пса и волка, — вот
О чем скажи! Любого дрожь забьет.
...Хозяину пастух, как ни служи, —
А плата где? — Ты вот о чем скажи!
О черном одиночестве в ночи —

Ты вот о чем скажи!.. Или молчи.
Чтобы понять, поверить мог чабан, —
О жизни пой где правда, не обман.
Ты в горы подымись, — услышишь ты
Ашугские простые баяты...
И приглашай беднягу — чабана
Туда, где лишь певец да тишина...
Воспой хребты и степь моей земли,
Пой про любовь Керима и Асли, —
Сожмется, вспыхнет сердце сына гор, —
Хоть пепел взвей!.. И увлажнится взор.

...И вот он входит — молодой ашуг!..
Мулла глаза тарашит... Сжался вдруг,
«Да, да», — пробормотал и скомкал речь,
Как виноватый... Не расправит плеч.
Лишь полы подобрал своей «аба»,
Уставясь в точку... Ни к чему борьба.
Ашуг достал уж звонкострунный саз...
Все засветилось будто бы тотчас!
И чудилось — всем любящим приют
Глаза в глаза с возлюбленными тут!

Один из них

Держись! Как чудотворец, ты возник...
Решительный какой-то близок миг?

Думан

На празднестве, на празднестве таком
Сладчайшие слова мои — со мной! —

Не ухай, филин, ночью над лужком:
Мне — соловью — цветок любви земной.

Без этой розы — вся душа в слезах,
Уже вскипают слезы на глазах...
Пусть я Фархад, — владею всем в горах,
Пусть я Меджнун — я власть в степи родной!

Не верят облака словам глупца,
Их заглушат с начала до конца...
Для добрых слов не пожалей венца!
Народ и я — мы жизнь в крови одной!

...Заволновались душ людских моря,
Над бурей звуков занялась заря,
И гонит буря паруса мечты,
В таинственность лучей и темноты...
Нет никого, кто звукам этим чужд, —
Их узнаем среди житейских нужд,
Ко встрече с ними сердце приготовь:
Вдруг пробудят к бессмертию любовь! —
Хотя порой обидна и грустна.
Бывает жизнь, —
Есть вечная весна!
Готова песня сердце приласкать, —
И нас заставит жизнь любить опять.
...Какую тайну в сазе познаем? —
Исконное искусство наше в нем.

Как дух народа, звуки струн чисты —
Поверь созвучьям, — суть узнаешь ты.

Проходит месяц.. И проходит год...
И всюду о Думане слух идет.
Приятны всем и дар его и нрав.
Крестьянам скучен наш мулла Наджаф...
Он филин, сыч в пыли своих руин,
Почти забыт, почти всегда — один.
Уплыли времена ночных бесед,
В жилье пустынном рано гаснет свет.
Заглохли притчи... Людям немилы
Преданья о злосчастьях Кербелы.
Есть у крестьян ашуг, родной певец,
Есть песни о любви живых сердец!
На всех меджлисах — саз и кеманча —
Течет их речь, воркуя и журча, —
Себя, свой дух в ней узнает народ,
Он о себе и для себя поет!..

Поэзией вы свой проверьте путь —
От колыбели — к жизни — к смерти пути!..
...В поэзии — все тайны, все дела...

Не спрашивайте, кто такой мулла!
Наследства присвоитель, лгун и вор,
Строитель козней и зачинщик ссор,
Ворует у поэзии права,

Утаивает все, чем жизнь жива. —
Такъв Наджаф. — Он клеветать горазд
И доносить. Он добр. — Он денег даст! —
Но под проценты. Срежь зимы у нас
Готовит он весенний свой запас.
Полна в его амбаре тишина
Халварами пшеничного зерна,
Бедняк на вид... На умиление нам
Есть тростниковый у него калам. —
Калам да каламдан!.. И раздобыл
Кровь голубиную цветных чернил.
Гиены шкура ветхая — лоскут
Зачем-то сбережен... Зачем он тут? —
Для заговоров глупо колдовских:
Мулла Наджаф порою пишет их!
О похоронах и поминках весть
Ему приятна... И сноровка есть
Писать заклятья, — амулет тайком
Кудряшкой женской обмотать потом...
В делах таких мулла Наджаф не прост, —
Бросает амулет в кувшин прохвост!
И над зерном ячменным не дурак
Поколдовать с напевом: знает как!
Злосчастному барану — вот востер! —
Гляди-ка, в кожу волчье сало втер...
А сам — в почете, главный на миру! —
От пловов поминальных — пуп в жиру.
Лишь несколько последних, странных дней
Наджаф пугливей, тише и бледней...

Кто — думали бы вы — согнал дурман?
Кто всеми признан и любим? — Думан?
Обманщику все преградил пути:
Там, где ашуг, — Наджафу не пройти.
И голову теряет, уж не горд
Чернохламидный, чалмоносный черт!

*

Метель, метель... Зима сурова к нам...
Сидит с муллой отец Сарин — Байрам.
Мулла опять стругает старика,
Усердна обработка, не легка! —
«Родным отцом родимой дочке будь!
Жалей, не выпускай на темный путь!
Ведь дочка простодушна... Не молчи...
Ну кто в зятях потерпит зурначи?
Да помнишь ли? — Грешно играть и петь...
Ответь-ка мне, по совести ответь!
Достойнейшего зятя отбери.
Дверь перед голодранцем затвори...
Всему в селе глава — избранник наш:
Кто крепок и богат? Ага Дадаш!

Б а й р а м

Сарин бы надо самое спросить,
Способна ли Дадаша полюбить?
Думана любит, кажется, она...

Наджаф

Коль ветка свесилась через забор,
Отрежь ее — и кончен разговор.
Пусть с глаз долой!.. Из-за таких плодов
Бывает, льется кровь... Нет. Будь суров!
Дадаш богат, а ты бедняк, Байрам, —
Заест тебя... Ты пожалеешь сам.

Байрам

Нет. Хороша взаимная любовь.
Где нет ее, — кувшин для слез готовь...
Дадаш — чужой... Не будет с ним житья,
Он — жесткий человек... Сарин — дитя.
Эх, погляди...

Чего ж глядеть опять?

Чему тут быть, — того не миновать...
Наджаф — верхом... На полпути Наджаф
Сдержал коня, Дадаша повстречав.
Неблизок снежный путь... Держать совет
Дадаш спешит. Ему покоя нет.
Вот крутит ус... Грызут досада, злость —
Огнем недобрым сердце занялось.

Дадаш

Меня отверг?! Храбрец какой, гляди!..

Наджаф

Ты укради ее и уведи...
Нет выхода. Уж таковы дела.
Дерзка красотка нашего села!

За чужака Байрам не выдаст дочь...
Надейся лучше на метель да ночь...

...Проснулся рано, на заре народ...
Что, что случилось? Оторопь берет...
Рассказывают... Всадники в ночи
Внезапно налетели на Халандж... И нет.
Умчались, хоть кричи, хоть не кричи,
Кого-то увезли... Простыл и след...
Ашуга нареченная... Сарин
Увезена... Валлах! С кого ответ?
Кто посоветует? —
Наджаф один!
Уже Думана вызвал...

Наджаф

О, мой сын!

Возьми-ка этот револьвер, убей;
Убей врага! И скройся поскорей...
Подумают, что ты и не был здесь, —
Тебя не заподозрят, может быть...
Не всякий знает, что такое честь,
Что страшно о достоинстве забыть,
Что ничего нельзя им предпочесть! —
Свободу, славу, жизнь за них отдашь!...
Украл, увез твою любовь... Дадаш.

Думан

...Какой Дадаш? Из этих? Из Гушчу?

Наджаф
Да, из Гушчу...

Думан
...Бесчестный, грязный пес!
Бесчестный, сын бесчестья!

Отомщу!

Наджаф
Не буйствуй. А убей, как повелось
У предков. Будь спокоен, терпелив,
Не раздражен, не слеп — не тороплив...
Да, пленница Дадаша и раба —
Избранница твоя... Ну, что ж, судьба!
Все в гневе здесь. Но брось Халандж пока...
И где застанешь — там убей врага.

Байрам задушен горем... Мертв почти.
Надежды нет... Нет света, нет пути.
Единственная дочь была... Одна!
Увезена, украдена она.
«Смерть лучше жизни!» — восклицает он,
И страшен слезный стариковский стон...
Кто отомстит? Ни близких, ни родни.
Один Думан — родной в лихие дни.
Кто скачет на коне во весь опор
Долиной снежной средь Хизинских гор —
Всю ночь, быстрее мысли, кто, ответь?
Гибка спина, как бы под ветром ветвь:
Согнуться, разогнуться каждый миг
Ужели так легко? Уже привык!

Метель седая, злая крутоверть...
Глазурь небес, застывшая, как смерть,
Осколками осыплется на снег —
И вновь застынет...

Мчится человек.

Все дует ветер... Снег... Густеет тьма.
Природа словно злобствует сама,
Беда в природе!.. Та сплелась беда
С его бедой. И путь его — куда?
Но страха нет в глазах. Врага кляня,
Спешит Думан. Думану в помощь — мгла.
Журчит, кипит дыхание коня,
И в снег роняют пену удила,
Застыла пена инеем... А конь
Еще не знавший ужаса погонь,
Как ветер, гонит снег... Горят глаза
Огнем зелено-красным, как гроза...
Он снизу, из лощины вверх идет...
Думан в полубреду... Сейчас убьет!
Он больше не таков, каким он был...
Мулла в селе — и тот благословил!..

Вот с высоты Хизы

Гушчу видать —

Селенье на челе большой горы —
Сейчас в снегу... Весна придет опять,
Еще дождемся праздничной поры!
Обрадуется древняя земля,
Сердца людей усталых веселя...

Мир, упоенный запахом цветов,
Придет в себя, жить сызнова готов...
Но счастье оскорбленной в мире том
Проснется ли в сияньи золотом?..

Думан ворвался к полночи в село...
Дворы, проулки снегом замело,
Здесь у лачуги спешился ашуг,
Где жил Айдын — его любимый друг.

«Ты понял, почему я здесь, Айдын?..
И ты бы тоже так!.. Наш дух един.
Ты отомстил бы! Слабым — зло и гнет
От рук Дадаша... Небо не спасет:
Мучитель слабых — трус, а не герой, —
Падет, хоть был бы каменной горой!
Моей невесты мужем будет он?!
Ну что ж! Я Азраилом вдохновен!» —

Сказал Думан... И вновь надел бешмет...
И птицею в седло... И следу нет...
...Вокруг буран, буран... В крови — огонь,
И мнится эхо топотом погонь,
В запекшихся устах — обрывки слов,
Во мраке, мимо глаз, отрывки снов...
Он душит в сердце крик и душит стон,
Не обещен он, а оскорблен!
Нет, не простит, пред сильным присмирив...
В глазах — непримиримый, страстный гнев.

Всю ночь метет метель... И рассвело.
Дадашу — ехать в нижнее село:
Опутать, обдурить крестьян опять
И старые долги с крестьян взыскать...
Не ведал он — и страхом не томим,
Что некто тайно следовал за ним, —
И вдруг явился!..
Путь он преградил...
Смертельный страх Дадаша охватил,
Оружие ли вытащить не смог?..
— На! — прокричал Думан, взведя курок.
Дадашу б наземь кинуться с коня! —
Но все темно, уже не взвидел дня...
— На! — выстрелил Думан, — храним судьбой
Дадаш мешком свалился... Неживой...

Вот к Верхнему Гушчу — коня Думан
Вновь повернул сквозь снеговой туман.
В Гушчу — Сарин... Беспомощна, одна, —
Невольница! — Что может знать она?
Невольница о воле ничего
Не ведает, ждет рока своего.
На воле — снегопад. Дадаш лежит, —
Он хлопьями, как саваном покрыт...
А мой Думан — в Гушчу. С Айдыном он
Поговорил... Угрюм, но окрылен,
И вызвал он тайком Сарин...

Думан

Сарин!
Сарин ли ты? С каких пришла вершин?
Сарин ли ты? Иль сон прелестный ты?
Сошла ли со звезды небесной ты?
О, добрая моя, любовь моя!
Красивая моя, любовь моя!
Пугливая, как лань, любовь моя!
Томишься ли в темнице тесной ты?
Стремишься ль на простор чудесный ты?
Дрожит Сарин... А сердце стеснено, —
Как пойманная горлинка, оно
То вздрогнет, то замрет... А голова
К плечу склонилась... Умерли слова...
Не удержат хрустальных слез ручьи...
И стонет сердце стоном кьяманчи...

Думан

Пойдешь со мной?

Сарин

Что говорить, певец?
Мечта моя — быть вместе, наконец!
Боюсь беды...

Думан

Забудь, Сарин, забудь!
Дадаша нет. Его закончен путь.
Обледенел под снегом.

Сарин

Нет. С утра
Уехал и приедет. Ждать пора.

Думан

Покончил я с Дадашем. Нет его.
И пусть никто не знает ничего.
Уедем ночью... Скроемся!

Сарин

Куда?

Думан

Куда — Господь укажет... Не беда...
Но плачут почему твои глаза?
О, разве нам любовью жить нельзя? —
В родных горах, среди долин родных?..
Леса у бога есть! Покойно в них,
Пещеры есть у бога и луга,
Счастливые места, где нет врага...
Бежим! Бежим! Да стоит ль, ответь,
На мир несправедливостей глядеть?

...И вот вернулись в свой Халандж они, —
Живые, невредимые, взгляни!

Но здесь мулла Наджаф... Не прост мулла,
Запутаны, темны его дела...
Не сам ли он напутствовал певца?
Не ожидал ли страшного конца?
И кто поймет муллу? — Кто разберет,
Где скажет от души, а где соврет?
Кому способность разглядеть дана,
Что за плечом муллы — сам сатана?

О, да не ангел за плечом муллы!..
Наджафу молодые немилы.
Себе казался искренним Наджаф,
Певца на преступление послав, —
Но искренней сейчас!
Он любит кровь.
Давно жестокость жизни знает он, —
Там, где сильна любовь, — там нож готов!
А если счастье есть, — уйдет, как сон...
Знал — победит Думан, — ему помог,
Но будет бит Думан! Мулла жесток.
«Да,» — думает. — «ты смел, сказать могу!
В могиле тесной холодно врагу,
Но и Сибирь довольно холодна,
Хоть и просторна, кажется, она».

Думана он жалеет, — молвит вслух
С притворным вздохом: «Хоть высок твой дух.
По шариату, — скажем не тая,
Твоя Сарин — Дадаша, не твоя!..
Нельзя, нельзя вам заключать кябин,
Ты потерпи... ты успокой Сарин...»

Так улещает он певца, солгав, —
И приставу письмо строчит Наджаф.

Переполох, смятенье, шум в Гушчу...
Кричит Дадаша брат, кричит родня...
«Дадаш убит! Убийце отомщу!

Здесь каждому — скорей седлать коня!
Уездный пристав, староста-толстяк
Несутся все в Халандж. Глаза у всех
Сверкают адской злобой. Камень, мрак —
Их жесткие сердца, жестокий смех!..
Уже Думан в руках врагов... Слепа,
Безумна разъяренная толпа.

✱

Все у байрамовой хибарки... Все кричат...
Ужасен в ярости своей дадашев брат, —
Как будто крови запах изо рта —
От слова каждого его! И речь крута.
Рыдает, плачет, как дитя, старик.
Пусть беден, — пресмыкаться не привык,
Но тут готов он на колени стать, —
Не может он убийцам дочь отдать!
Он умоляет: — «Девочка она,
Еще дитя... И в чем ее вина?
Не тронь ее! В Аллаха-веришь ты?
Карает он убийство сироты!
Мне подари ее! Меня убей,
Убей меня, коль нет пощады ей!»
Тут пристав дрогнул,

кинулся вперед!
«Душа моя! Аллах пусть разберет.
Убитых богом — убивать нельзя! —
Свое ты имя не пятнай, грозя
Разбойничьей расправой! Стар и мал

Пусть прочь идут!» —

И мстителя сдержал.

Уехали... Дума на увели...

Казнят или сошлют на край земли?

*

Куда идешь, мой давний, добрый друг?

Куда ведут следы твои, ашуг?

Как знать, разлука будет ли долга?

Осиротеют скалы и луга:

Давал не ты ли их душе приют?

Не ты ль ей был родимым братом тут?

Ушел... Ни бабка, ни сестра, ни дед

Воды из чаши не плеснули вслед

И не ловили зеркальцем, любя,

Надеясь, что вернешься ты, — тебя...

Но плачут, плачут жители села,

Которым песня сладостна была, —

Как для свирелей тростники, поверь,

Их души искалечены теперь.

...Уже недолго ждать — придет весна,

Про все узнав, заплачет и она,

Цветы росой заплачут, будут звать

И станут на себе одежду рвать,

В густой листве деревьев и кустов

Застонут птицы, соловьиный зов

Застынет в лепестках дрожащих роз:

«Где радость?» — спросят розы. — «Кто унес?»

И плача будут биться, — «Кто зовет?» —

Об камни головами волны вод...

И склонят ивы головы к воде,

Туман тоски падет в горах везде,

И тень тоски пройдет в садах везде.

Проснется дух таинственных дубрав,

Сердцебиенье облаков поймав!

И месяц ночью будет желт-прежелт, —

Он словно покрывало туч прожжет...

А молодые звезды в глухоте

Ночей безлунных, верных темноте,

Заплачут без тебя, из облаков

Переливаясь в облака легко...

А утром — соглядатаи земли —

Родные наши птицы журавли

Застонут, путь оглядывая твой,

Тобой любимый, проклятый тобой...

И сокол, на скалу слетев на миг,

И куропатки, свой найдя родник,

И лебеди синеющих озер —

Все скорбным стоном огласят простор...

И сиротливо речки будут течь,

Припоминая песенную речь...

Для всех ты был одной душой, ашуг, —

Для них родной, а не чужой, ашуг!

—«Ушел! Да как! — Пропал. Простыл и след.
Он горем был моим!.. Да, десять лет!
Уж десять лет!.. Немало десять лет, —
Джигита жизнь!.. Но не вернется, нет!»
Вздыхнул мулла, — (как будто вздох тяжел), —
И с облегченьем вместе с тем: —«Ушел!»

*

О, прадедов моих земля, Бэрмэк!
Тебя прославить не моим стихам...
В горах твоих метался человек
И где его судьба — не ведал сам.
А судьбы есть — падучих ярче звезд
И тусклые, как свечи тех жилищ,
Где богатея был полудик и прост,
Но мог давить того, кто слаб и нищ...
Бывали жизни смутные, как сны,
И жизни, только жаждавшие жить,
Был смерти страх и страхи новизны...
А чья-то доля — голову сложить...
Несправедливость... Годы многих бед,
Обманы... Свадьбы, прерванные вдруг...
Слепая месть... Непониманья бред...
И властный враг, и беззащитный друг.
И кандалы, и ссылка, и навет,
Обычаев старинных тесный круг...

*

...Ушел Думан из наших гор...
Каким вошел, а как ушел!
Где в ледяной зашел простор?
В каких буранах бос и гол?
Подушка — лед, и снег — постель,
А дверь откроет лишь пурга...
Быть может мать, отец досель
Героя ждут? Печаль долга...
Голубкой обернулась мать, —
Слетит на снег и вновь летит,
Вновь сядет горести считать
И вновь начнет рыдать навзрыд...
А в сердце наших гор — любовь —
Сарин! Ее душа — силки:
Силки, охотница, готовь
Для счастья, горю вопреки!
Но где улыбка? Где, ответь? —
Нет сокола, ветшает сеть...

Не плачь, Сарин, не плачь, не плачь, не плачь!
Веселой будь, Сарин, и гордой будь!
Верь сердцу песен. Время — не палач,
Проложит для певца обратный путь.
Откуда мгла над головой твоей, —
Сгустились тучи? Прогони, развей!
Надежду позови... Придет Думан,
Весну твоей любви найдет Думан...

Народа говор — в голосе его,
И говор гор, потоков и камней...
Нет в мире ничего и никого,
Певца народа тверже и сильней.
И кем должна природа дорожить,
Тот не исчезнет, будет жить и жить.
И жар надежд и новой жизни жар
Он принесет любви высокой в дар!
А время шло... Настал особый год —
Год празднества царей «всея Руси»:
Три сотни лет держался царский род...
Год шума, кутерьмы, — аллах спаси!
Но хоть и был для счастья — черный день,
А для несчастья — радужный денек, —
Да вот судьба! — судьбе играть не лень.
И некоторым случай вдруг помог...
В честь празднества «простили каторжан» —
Не всех, но многих... И среди них — Думан.

Да, такова земной судьбы игра.
Да, восхвалялась варварства пора...
Был праздник удушения надежд.
Был праздник утешения невежд.
Век превращения шербета в яд.
А награждение поэтам — ад.
Властительница — смерть, палач — герой,
И за тюрьмой тюрьма встает горой...
В колодцах разум, чтоб его сдержать,

Шипы внутри колодок... Как бежать?
И восхвалялись варварства века...
Но мой герой — на воле, жив пока!

Ашуг пришел в свое село.
Ашуг поет. Все расцвело.
Забыл, как путь бывал тяжел.
Ашуг в село свое пришел.
Его богатство — старый саз.
И жизнь вторая началась.
Что горе? Горю был конец.
И людям дорог, мил певец.
Не хочет думать о дурном...
Что горе? Горе было сном...
Порой, как мальчик, весел он!
Как мальчик, песней упоен...
Как мальчик, скажешь?..

Нет, подчас

Подвешивает к шее саз, —
И это значит, что пора
Той песне, что, как нож, остра, —
Пришел словам — кинжалам срок,
И резок звук и смысл жесток,
Пора пришла словам-слезам,
И даст певец, силен, правдив,
Ответ врагам, совет друзьям,
Все помыслы свои раскрыв!
Ему людьми владеть дано,

Но дома у него — печаль,
Хотя разлуки нет давно,
А счастье он вернет едва ль...
С любимой вновь соединен, —
Да, горечь в единеньи том...
Так ветер вдруг пройдет и стон
В саду осеннем, золотом, —
Увядшая сломалась ветвь...
Ты застонал, Думан?.. Ответь,
Чем огорчен ты? В чем беда?
Как потерял ты вдруг слова?..
А в очаге трещат дрова...
Иль кажется тебе тогда,
Что плачет милая жена? —
Сарин в тоске, Сарин больна.
Душа изъедена тоской,
И выжжена чахоткой грудь, —
Не скажешь времени «постой»,
Не скажешь бывшему «не будь!»
Любя, не ведала любви,
Живая — будто не жила,
И растекался яд в крови —
Тот, что из глаз людских пила...
Старухой молодость прожив,
Счастливых не узнала дней,
Был страшен снов ночных наплыв,
Дневная явь еще страшней...
Все силы выпил вечный страх,
Погас румянец на щеках...

*

Думана в гости пригласил мулла,
Пришел Думан. И аксакалы тут.
Про судный день, про ангелов дела
Мудреный, мрачный разговор ведут.

На д ж а ф

Оставь, Думан, оставь презренный саз!
Подальше сей греховный плод от нас!
Уж говорил я и скажу опять:
На блеск мирской не стоит уповать!
Твое занятие — перед Богом грех, —
Певцов, танцоров он осудит всех. —
Не оттого ль мучения твои?
Других своих талантов не таи:
Религию укрась. О Боге пой.
О жизни райской, не о тьме земной!
Ты Судного побойся дня, певец,
Послушайся-ка ты меня, певец,
Шайтаново орудие оставь.
Аллаха Всемогущего прославь!
В коране разве говорил Пророк —
«Играй на сазе?» — Кончить дай зарок.
По струнам медиатором бня,
Бьешь самого Али! — Тут смерть твоя.
О да, певец, талант прекрасен твой, —
Что ж? — Марсию в дни Магеррама пой!..
К Эдему зависть, преисподней страх
Уйдут из сердца... Милостив Аллах!

Все есть в раю, чего так жаждешь ты:
Красавицы, фонтаны и цветы;
Под звук рубабов там вкушать дано
В хрустальных чашах сладкое вино!
Эх, что, скажи мне, грешный мир земли?
Не здесь, а в небе жажду утоли.
Ты идолопоклонником не будь,
Стань на священный мусульманский путь.
Пусть наваждение дьявола, певец,
Рассеется бесследно, наконец!

Один из старцев

Послушайся, ашуг! Слова муллы
Правдивы. И познания не малы.
Еще ты ветрен, молод ты, сынок...
Хоть ты любим, но в мире одинок:
Бессилен ты, хотя людьми любим, —
Не совладал с характером своим.
Ну, что такое саз? — Не жизнь, а сон...
Ты, вижу я, лукавым оболещен.
Мы грешны все, мы все в тенетах тьмы
И горестями пребогаты мы.
На шеях наших — тяжкий груз грехов,
Никто к суду святому не готов.
На правый путь вступи хотя бы ты!
Твори молитвы, соблюдай посты,
Хотя бы ты, по чистому пути
В тот мир войдя. — в нем счастье обрети!

Наджаф

Я говорил и говорю опять,
Здесь плохо будешь жить. Очнись! Уйди.
Враги таятся, чтобы жизнь отнять.
К тому ж ты грешен. Горе впереди.
Родня Дадаша и его друзья
Простить не могут. Ждать тебе нельзя.

Думан сказал меджлису: «Значит, так».
И опустил он голову на грудь,
И вышел... Сквозь весенней ночи мрак
Он шел домой, с трудом осилил путь...
«Уехать в город?» — Сам себя спросил...
И сам себе ответил: «Как? Зачем?
У сердца, у души не станет сил.
И есть ли там работа и приют?
Я — кто? — Ашуг! Без песен жалок, нем...
О, нет, не тело, — дух во мне убьют!
Зима, подумай, станет на порог,
Застынет в жилах кровь. А песни нег,
Чтобы ее согреть... И не певец,
А нищий духом, — вспомни, как далек
Родимый край — страна живых сердец.
Ударит снежный вихрь. И не уснешь...
О, нет, гнезда себе ты не совьешь! —
Мертва душа... И режущий, как нож,
Мороз погубит тело. — Вот конец.
И оживлять застывших не дано
Лучам, входящим в узкое окно...»

Как плачет у подножья гор туман,
В тиши, без соглядатаев, один
В жилище темном плачет мой Думан...
Смерть в дом пришла, чтобы забрать Сарин.
И в дом пришел мулла, и говорит:
«Нам завещала жизнь свою она».
Смолчал Думан. Не зарыдал навзрыд,
Без чувств упал: все испытал сполна.

«В беде душа моя, в беде!
Уж такова судьба моя.
Любимой нет — и нет нигде
На всем пространстве бытия».

Разлука — вновь!.. По чьей вине?
В огонь я брошен. — Я в огне.
Умрут слова мои во мне
Средь горьких странствий бытия...

Думан! Под Богом приютись.
Ты без Него — ничто. Казнись,
Что не взглянул ни разу ввысь
В непостоянстве бытия!»

Гора грехов меня гнетет... Пора.
Пусть разобьется саз. Прощай, игра!

...Заснуть, заснуть! Но не приходит сон.
Муллы Наджафа образ видит он,
И мечется... Где вольный мир? — сама
Вселенная — души его тюрьма.
Вот поднялся с постели... И зажег
В светильне старой тусклый огонек...
Колени, руки почему дрожат?
Он сам не свой... Он, как в тиски зажат.
Он видит — наяву или во сне?
Родимый саз, висящий на стене...
«Да, прав мулла. — Обман земных утех...
Я кару принял почему? — За грех,
Я пел и пел, пока любовь жила,
Теперь мне песня будет не мила...»
И взял он саз, шатаясь вышел в ночь
И застонал... Кто мог бы тут помочь?
Взглянул на небо и на саз опять
Недобрым взглядом... «Правда ли? Как знать?»
И страх в душе и гнев... И злой допрос
Он сам себе ведет, не пряча слез...

О, пощади, ашуг! Не убивай
Твой верный саз, твой трогательный рай!
В каком ты сне, в какой угарной мгле
Позволил обмануть себя мулле?
Безграмотно в душе его читал:

Ты праведностью ненависть считал!
Как мог забыть, что дух народа — саз?
Народ поранить хочешь ты сейчас? —
Вот горький грех, вот дьявола огонь!..
Народа чистых чаяний не тронь,
Их обижать не смей, срамить не смей!
Где сила струн? — Она в сердцах людей, —
То прослезиться заставляет их,
То улыбаться, — твой услышав стих!..
От звуков саза — помнишь ли, ашуг? —
Больные выздоравливают вдруг...
Он озаряет тьму потухших душ...
Не рушь ты храма этого, не рушь!
О, этот бедный, этот сельский храм!
Не разбивай — он слишком дорог нам...
Позор тому, кто научил «разбей...»

То громче льется голос, то слабей:
С душой Думана говорит народ...
Шумят деревья, ветер ветви рвет,
И плачет близтекущая река,
И от луны отходят облака,
И смуглое лицо ее горит. —
«Не убивай!» Все в мире говорит.
Растерян и угрюм стоит певец, --
Он слышит ропот множества сердец.
Людей и облаков, цветов и трав, --
Стоит растерян, мыслей не собрав...

Большой он камень видит пред собой...
И словно сам об камень головой,
Готов он стукнуть сазом... Но вопрос,
Опять предстал: «Зачем?» — И гнев возрос,
Гнев на себя?.. Но где уже ему
Взять время на «зачем» и «почему»?
Гнев на муллу?.. Но вспомнил: «Сколько лет
Творю грехи, а отпущенья нет!»
И страшная, тяжелая тоска
Растет в душе... А кара так близка!..
«Эх!» — и по камню черному ашуг
Ударил сазом. Поглядел вокруг
Под кровом туч, клубящихся, как дым...
И поклонился небесам пустым.

О, дедов древняя земля — Бэрмэк!
Мне голос твой не передать вовек...
Кровавились колени на тебе,
И слезы поколений — на тебе...
Проклятия звучали, гнев пылал,
Бред о шайтанах простаков пугал...
Внизу — был господин, вверху — Господь,
И темный люд не мог их побороть.
Разбитых кяманчей и сазов плач
Звучал... Был и для музыки палач!

Остался без певца большой уезд,
Без света жизни — люди здешних мест.

Ходили вереницами в мечеть...
Безрадостно им вянуть и стареть.
Один повеселел мулла Наджаф:
Он мнит себя владельцем высших прав.
Собранья и меджлисы у муллы,
Садятся — кто в середку, кто — в углы...
А что Думан? — Ничто... И ничего.
Сельчане отвернулись от него.
Проходят дни... Уже Думана нет.
А люди и забыли, где сосед.

*

Построили красивую мечеть
У светлой речки, где всего видней, —
Красиво даже издали глядеть.
Мулла Наджаф надменно служит в ней.

*

Мой сокол из гнездовья улетел,
Оставил горы. В городе Думан.
Перешагнул заветных мест предел...
Он молчалив. Он — как из дальних стран.
Еще удача, что остался цел...
Здесь — промысел. Здесь — черный Нафталан.
Не сразу понял городских людей,
И то, что в ссылке прежде побывал
Не сделало ни речь его смелей,
Ни сердце жестче. Вновь, как в детстве, мал.

Он снова юн, — но юностью иной —
Не радостной, не шалой, — без любви...
Не сразу понял, что народ родной
Вокруг него...
Не смейся, не зови,
Не жалуйся!..

И лишь однажды он
Товарищу поведал о былом,
О радостях своих живых времен,
О месте, где ветшает мертвый дом.
И вдруг неожиданно, в сумеречный час
Товарищества силу он постиг...
Все рассказал он про убитый саз
И свет, иссякший, как в песках родник...

И вдруг пробился снова этот свет
Из-под горючей, горькой черноты —
Из-под земли, которой суше нет,
Из моря человечьей теплоты!

*

— «Эй, простодушный, бедный азери,
Наш славный, безутешный брат ашуг!
Не говори ты так, не говори,
Сердце не возмущай, неизвестный друг!
Как мог поверить хитрецу — мулле —
(Разбойнику иль хитрецу — как знать?)
Его понятна доля в этом зле,
Понятно, где обрел он «благодать»!

Так говорили новые друзья,
Товарищи печального певца, —
И он запомнил, и забыть нельзя
Глаза, улыбку каждого лица!

Сложились — и купили новый саз...
И с той поры народом он любим, —
Ходил в народе, — ходит и сейчас,
И многие из нас знакомы с ним!
То в городе столичном, то в селе,
А то в селенье маленьком — в горах
Гостит Думан... Он на родной земле
Забыл обиду жгучую и страх.
Но помнит, помнит бедную Сарин .
И робкую печаль односельчан, —
И помнит, как Бэрмэка верный сын,
Уроки горькой мудрости Думан...

Услышь ты и меня, о мой герой!
Ведь крепкой нашей дружбе много лет...
Ты видишь — выплыл край родимый твой
Из моря старых горестей и бед.
Он окликает, он зовет тебя,
Твое искусство помня и любя!..
Так с новой песней приходи скорей
В места тревожной юности твоей.
Хотя всегда вся родина с тобой —
Родной Азербайджан, — но песню спой.

В своем Халандже маленьком, как встарь,
По струнам медиатором ударь!
Пусть знают все сородичи, друзья,
Что уничтожить этот саз нельзя,
Что он недаром у тебя, — у нас:
Рабочих дар, — он твой рабочий саз!
Когда случится, — с ним пойдешь в бой:
В нем песни жизни, в нем мечты твои.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Полнолуние поэзии</i>	3
Живи, душа! (перевод <i>Т. Стрешнева</i>)	11
Твой смех (перевод <i>Т. Стрешнева</i>)	12
Не обижаюсь (перевод <i>Т. Стрешнева</i>)	14
Я жертвою стал (перевод <i>Т. Стрешнева</i>)	15
Зарисовка (перевод <i>Т. Стрешнева</i>)	16
Жизнь (перевод <i>В. Федорова</i>)	18
Один лишь взгляд (перевод <i>В. Федорова</i>)	20
Если бы то лето повторилось (перевод <i>И. Лиснянской</i>)	22
Руки (перевод <i>В. Портнова</i>)	28
Земля (перевод <i>В. Портнова</i>)	29
Облака (перевод <i>В. Портнова</i>)	30
Тар (перевод <i>В. Портнова</i>)	32
Мост (перевод <i>П. Антокольского</i>)	38
Новый дом (перевод <i>П. Антокольского</i>)	40
Поэт (перевод <i>П. Антокольского</i>)	42
Мой стих (перевод <i>В. Кафарова</i>)	44
Моя пятилетка (перевод <i>В. Кафарова</i>)	47
Стихи, подсказанные сердцем (перевод <i>В. Кафарова</i>)	49
Наши глаза (перевод <i>В. Кафарова</i>)	51
Пыль (перевод <i>В. Кафарова</i>)	54
Марал (перевод <i>В. Кафарова</i>)	57
Телефонный разговор (перевод <i>В. Кафарова</i>)	58
Что это значит? (перевод <i>В. Кафарова</i>)	60
Ветры (перевод <i>В. Кафарова</i>)	62
Туче в лицо (перевод <i>В. Кафарова</i>)	64
Телеграфные провода (перевод <i>В. Кафарова</i>)	66
Листики раздумий (перевод <i>В. Кафарова</i>)	68
Песнь о Тертергэсе (перевод <i>В. Кафарова</i>)	76
Разбитый саз (перевод <i>А. Адалис и В. Сергеева</i>)	91

Составители:

*Гюльгусейн Гусейноглу,
Владимир Кафаров*

Редактор *С. Мамедзаде*

Художник *М. Алиашраф*

Художественный редактор *Ю. Агаев*

Технический редактор *Р. Ахмедов*

Корректор *М. Хачатуров*

Слано в набор 3/V-1968 г. Подписано к печати 19/VI-1968 г. Формат бумаги 60×90^{1/2}. Печ. л. 4,25. Уч.-изд. л. 4,2. ФГ 09282. Заказ 383. Тираж 10000. Цена 60 коп.

Комитет по печати при Совете Министров
Азербайджанской ССР.

Издательство „Гянджлик“, Баку, ул. Гуси Гаджиева, 4.
Типография им. 26-ти бакинских комиссаров, Баку,
ул. Али Баирова, 3.

60 коп.

